

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ
ИМЕНИ Х. С. СУЛЕИМАНОВА

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

ЗЕБУННИСА, ДИЛЬШОД,
АНБАР-АТЫН

ИЗ Б Р А Н Н О Е

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Т а ш к е н т — 1 9 8 3 г.

Редколлегия: Абдурахманов Ф. А., Ахмедходжаев Э. Т., Джаббаров Д. Д., Каюмов А. П., Пармузин Б. С., Шагулямов И. Ш., Шамухамедов Ш. М.

Перевод с узбекского и таджикско-персидского
Сергея Иванова.

В этой книге собраны образцы лирического творчества талантливых узбекских поэтов Зебуннисы (1639—1708), Дильшод-Барно (1800—1905) и Анбар-атын (1870—1915).

Составитель Махбуба Кадырова
Редактор Борис Пармузин
Художник Кутлуг Башаров

© Издательство ЦК Компартии Узбекистана, 1983

УЗБЕКСКИЕ ПОЭТЕССЫ

В этом сборнике представлены избранные лирические произведения узбекских поэтесс Зебуннисы (1639—1706), Дильшод-Барно (1800—1905) и Анбар-атын (1870—1915).

Зебунниса является потомком известной династии Бабуридов. Родилась она в Дели. В юности поэтесса обучалась грамоте у одной из выдающихся учительниц своего времени — Хафизы Марьям. Получив воспитание под руководством поэтов и ученых, она изучила арабский язык и усвоила основы стихосложения и музыкального искусства, законоведения и логики, проявляла интерес к изучению философии и истории.

Зебунниса внимательно приглядывалась к окружающей ее жизни и высказывала несогласие с господствующими в то время условиями, попиравшими свободу человека. Поэтесса живо ощущала связь с родным народом: «Хоть я и дочь властителя, но чело мое я обращаю к беднякам». Она осталась в памяти своего народа как поэтесса, воспевавшая человечность, любовь к жизни и природе. Произведения поэтессы дошли до родины ее предков и стали любимыми среди узбеков. Поэтесса по традиции своего времени создавала стихи на персидско-таджикском языке. Ее творчество широко известно в Индии, Иране, Афганистане и Средней Азии.

Дильшод и Анбар-атын жили в близкие друг к другу эпохи.

Родилась Дильшод в Истравшане (ныне селение Уратепе Таджикской ССР). В семнадцатилетнем возрасте она во время набега кокандского хана на Истравшан была угнана в Коканд, где и прошла вся ее жизнь. В стихах поэтессы нашло свое отражение глубокое чувство признания к родным местам. Дильшод стала любимой поэтессой как у узбеков, так и у таджиков, являя своим творчеством живой пример культурных и литературных связей двух братских народов.

Содержание ее произведений созвучно прогрессивно-демократической узбекской поэзии второй половины XIX века.

От Дильшод до нас дошли написанные на узбекском языке лирические произведения, а также сочинение автобиографического характера «История переселенцев». Дильшод с гордостью говорила, что она училась у Хафиза и Навои. В лирическом творчестве Дильшод отражены мотивы жизнелюбия, человечности, любви к простому народу. В ее произведениях ярко выражена мечта о светлом будущем, стихи ее полны веры в высокое предназначение человека.

Да светит свет судьбе моей — одной мечтой согрета жизнь,
Как песня о судьбе людей, да будет мною спета жизнь!
Огня влюбленных душ сильней, да будет ярче света жизнь,
Как чаша — наливай и пей — полна да будет эта жизнь,
Как свет немеркнущих лучей, будет полна расцвета жизнь!

Аналогичные жизнеутверждающие мотивы мы видим и в творчестве любимой ученицы Дильшод — Анбар-атын. Под руководством Дильшод Анбар-атын изучала историю, литературу и уже в ранние годы стала пробовать силы в поэтическом творчестве. В последующем Анбар-атын су-

мела многое сделать как представитель демократического течения в литературе, связанного с именами Мукими, Фурката, Аваза и других поэтов.

Короткая жизнь Анбар-атын сложилась трагически. Ее стихи, разоблачавшие весь ужас феодальных обычаев, навлекли на нее гнев властительных особ: она была избита, и паралич обеих ног навсегда приковал ее к постели. Но дух поэтессы не был сломлен, и она продолжала создавать произведения, полные надежд на светлое будущее.

Литературное наследие поэтессы включает в себя лирические стихи и трактат «Философия черных». По глубине идейного содержания и художественности произведения Анбар-атын стоят в одном ряду с сочинениями Дильшод и являются их развитием и продолжением. Как и у Дильшод, в творчестве Анбар-атын выражена глубокая вера в прогрессивность присоединения Средней Азии к России.

Дильшод и Анбар-атын резко осуждали местные власти, угнетавшие простых тружеников. Есть в их произведениях и элементы социальной сатиры. Анбар-атын мечтала о развитии дружеских связей узбеков с русским народом, о содружестве двух народов в созидании нового. Поэтесса, верная идеям просветительства, стремилась оценивать события общественной жизни с точки зрения их полезности простому народу. Она писала о равенстве людей, о священных для нее чувствах человечности и любви к ближнему, о любви к родине:

Человеку должно разуму внимать,
Родину лелеять, как вторую мать.

Лирика Зебуннисы, Дильшод и Анбар-атын представляет собою образцы классической литературы и несомненно вызовет интерес у многочисленных читателей.

Махбуба Кадырова.

ЗЕБУННИСА

ГАЗЕЛИ

О, приди сюда: курчавый и очами жгущий — тут,
Тот, чей взор томно-лукавый — пыл истомы сущей, —
тут.

Взор его — что меч кровавый, а ресницы — что клинки:
Хочешь пасть ты в битве правой — путь твой в мир
грядущий тут.

Всех минуя стороною, кто обманно рай сулит, —
С теми будь, кто пьет хмельное: праведно живущий —
тут.

Сердцу, что к добру причастно, путь к Каабе —
ни к чему, —
Люди мучатся напрасно: путь, к добру ведущий, — тут.

Погляжу на лик прелестный и на облик неземной —
Вижу: свет красы чудесной, радость мне дающей, — тут.

Сколько книг я ни листаю, смысл красы понять стремясь,
А тебя увижу — знаю: смысл, меня влекущий, — тут.

Если есть в тебе желанье дар красы творцу принести,
Дай Зебуннисе даянье, доброй дани ждущей тут.

* * *

Мой облик на Лейли похож, а в сердце пыл Медждуна
скрыт,
Но как в пустынный дол уйдешь: сильнее пут, увы, мой
стыд.

Над розой соловей шальной поет — мой робкий ученик,
И мотылек, обучен мной, огнем моей любви горит.

На лице — лишь румянца след, а в моем сердце пышет
кровь, —
Не так ли до поры свой цвет и хна, как я мой пыл, таит?

Всю тяжесть бедствий и утрат взвалила я на небосвод, —
От тяжкой ноши крив-горбат, завесой скорби он закрыт.

Дочь шаха я, но уж давно я к долу бедности бреду:
Я именем красна — оно не зря «Зебунниса» звучит!

* * *

Да погибнуть голове, доли смертных мук не знавшей,
Да останется без рук ласки нежных рук не знавший!

Как воспрянет в День Суда головой мертвец из глена,
Стылой грудью никогда язв и ран разлук не знавший!

Если ты не знал любви, распростись с постылым миром,
Ослепи глаза свои, томных глаз подруг не знавший!

Сотни весен среди полей и в садах цвели цветами,
Горе лишь в душе моей, про цветущий луг не знавшей.

Жаль ханжу мне: отрешен от всего, обвит чалмою,
Теребит лишь четки он, сколь зуннар упруг, не знавший.

На торгах земной красоты все товары спрос находят, —
Краток век Зебуннисы, кто в любви ей — друг,
не знавшей!

РУБАИ

О, если стал бы сладок яд змеиный,
Крылат бы стал детеныш паучиный,
Текло бы молоко из груди львиной,
А нищий стал богатым бы купчиной!

* * *

О чем ты плачешь, горный водопад,
О ком горюешь, мукою объят?
В чем твое горе, что и день и ночь
О камни бьется струй твоих раскат?

* * *

Увидит соловей меня — и станет к розе он суров,
Огнепоклонник жар огня, узрев меня, забыть готов.
Одета я одеждой слов, как роза — вязью лепестков,
Кто хочет увидать меня — пусть ищет под покровом слов.

ДИЛЬШОД

УЗБЕКСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ГАЗЕЛИ

«Фиал любви возьми в сей миг!» — стал внятен зов
вселенной мне,
И звон фиала — «Друга лик, — мне молвил, — ты
узришь в вине!»

Отшельникам сказала я: «Прощайте! В даль — стезя моя,
Мне — в кабачке небытия кутить с хмельными наравне».

Испив любовного вина, я от всего отрешена, —
Всему я в жертву отдана, что ни увижу — хоть во сне.

Сплела любовь мне сеть вериг — и я прозрела в тот же
миг:
Лик друга предо мной возник, в фиале видимый — на дне.

Влюбленный, страстью вдохновлен, — во власти пут со
всех сторон,
Но да вовек не будет он от пут любовных в стороне!

Влюбленным пленникам утрат равно чужды и рай и ад:
Для них отрада из отрад — узреть творца наедине.

Возглавить любящих дано наставнице любви — Барно,
Хоть о любимом суждено одной рыдать ей в тишине.

* * *

Пока весна не расцветет, не зеленеет сад,
Пока беззвезден небосвод, мир темнотой объят.

Пока нагорья студит лед, поток не потечет,
А теплая пора придет — и сонмы рек журчат.

Известно: новый суткам счет дает нам новый год, —
Пока навруз не настает, стоит пора прохлад.

Весною там, где сад возрос, — благоуханье роз,
А ныне их сковал мороз, и всюду — стужи яд.

Сейчас бы самая пора — петь соловьям с утра, —
Зачем же нынче, как вчера, лишь вороны кричат?

За что же солнце из-за туч мне дарит тусклый луч?
Вели, любимый, чтобы жгуч был ясный его взгляд!

О, пощади, мой милый друг, — да рдеет вешний луг, —
Стихов Барно веселый звук восславит жизнь стократ!

* * *

Человек сказал когда-то, глянув на светило ввысь:
«Глянь-ка, тьмой земля объята, — ты хоть раз ей
улыбнись!»

Взором ласково-веселым солнце золоту кудрей
Вниз к земле — к ручьям и долам повелело расплестись.

И земля вокруг светила закружилась мотыльком,
И потоки рек взбурлила, и они, искрясь, лились.

Жемчуг в реках зрел, как зёрна, родники текли журча, —
Солице глянуло задорно — хоть дивись, хоть не дивись!

И широкою стезею, обходя ряды холмов,
Сырдаря с Амударьею, словно локоны, вились.

Человек, усердным рвением покорив себе Джейхун,
На Сейхун взглянул с почтеньем, но сказал: «И ты
смирись!»

Будь с людьми, Дильшод, вовеки, всюду следуй за
людьми, —
Что тебе эмиры-беки, — лучше с верными сойтись!

* * *

О мудрец, оставь сомненья, глянь: перед тобой — кебаб,
Знай: перед тобой — не тленье, — плоть моя —
сплошной кебаб.

Лжешь ты, что с горячкой схожи хвори любящих сердец:
От горячки — жар на коже, пыл души больной — кебаб!

Что в жаровне жар чадающий, хоть и может он обжечь!
Вот в груди моей горящей — сплошь спаленный мною
кебаб.

Лжешь ты, что в моем незримом сердце будто нет огня:
Жаркий стон мой пышет дымом, и тому виной — кебаб.

Да сокрыта будет тайна, что я в сердце берегу, —
Жжет нутро мое потайно, как палящий зной, кебаб.

Если я пыл страсти выдам, от врагов мне не спастись:
Стану сутью я и видом — словно кровавой кебаб!

Врозь с любимым онемело книгу страсти я пишу, —
Вся Барно дотла сгорела, словно бы дурной кебаб!

* * *

Мне осмотр не нужен твой, не возись со мною, лекарь,
Не язви меня хвалой, не позорь хулою, лекарь.

Мой недуг — любовь, он жгуч, не клейми меня наветом,
О, молю тебя: не мучь, — я того не стою, лекарь.

Жар моих любовных мук потуши, если сумеешь, —
Без лекарства от разлук мне не быть с тобою, лекарь.

Если ж ты понять не смог, что за зелье лечит душу,
Я тайник моих тревог от тебя сокрою, лекарь.

Ты проведать не спеши, где недуг во мне гнездится, —
Ссадных язв моей души не коли иглою, лекарь.

Только любящий поймет, что за боль страдальца гложет,
Ран моих — моих невзгод ты не тронь рукою, лекарь.

Если же тебе дано о свиданье весть поведать,
Будь всегда вдвоем с Барно, будь всегда со мною, лекарь.

* * *

Твое имя благовонно, ты — Анбар, тюльпан, рубин,
Слово молвишь — упоенно все внимают, как один.

Если сумрачно-уныла не была бы жизнь моя,
Я тебе бы сад взрастила на просторах всех равнин.

И когда в пылу похмелья я на лик твой погляжу,
Розы рдеют в моей келье — нет в ней бедствий и кручин.

С красотою твоей дивной в твоём нраве всё в ладу:
Ясен свет твой неизбывный, ты не ведаешь личин.

В Фергане — какая жалость! — нам воочью не узреть,
Что одной тебе досталось все наследие Ширин!

Если б в Чине и Мачине вновь явился бы Фархад,
Для тебя бы все твердыни одолел сей исполин.

Пред тобою со смиреньем пала верная Барно, —
Не обидь ее презреньем, о тюльпан мой, мой рубин!

* * *

Час страданий нескончаем — дольше долгих-долгих
лет, —
О, когда ж мы повстречаем миг спасения от бед!

Где светила лик веселый черным пологом сокрыт,
Там всеилен гнет тяжелый — и земле и небу вред.

Где же зим и весен смена, где цветущая пора?
В горле — ком страды и плена, весь затмился белый свет.

Всё разбито до основы — грады, села и сады:
Где властители суровы, там благоустройства нет.

Всё, что вкусно, всё, что сладко, съели стаи жадных мух,
Ободрал всё без остатка ненасытный дармоед.

Подчиненье властелинам и терпенье без конца —
О, доколе же нести нам сей покорности обет!

Всем, как и Барно, красивым — жить, во мраке

потускнев,

Гнев и гнет бурлят разливом, красоты простыл и след.

* * *

О садовник, ты, добрый, мне бы в горе помог —
Правый путь указал бы среди многих дорог.

В степь безумья не канет, не погибнет вовек
Лишь порочной стезею и бродящий порок.

Ну а тот, кто в пустыне, неприкаян, бредет,
Того жар несусветный, как былинку, обжег.

Пожалей же, я гибну — кану в небыль и тлен,
По тебе я стенаю стоном мук и тревог.

Ну а если деревья будут стыть без плодов,
Будет грозен, садовник, и твой собственный рок.

Глупо будет, беспечный, если ты и меня
Не взрастишь, не взлелеешь, как зеленый росток.

Беспросветна недоля позабытой Барно, —
Беззаботность, беспечность — верной смерти залог.

* * *

Как волн морских прибой — созвучия газели,
Растут, шумя листвою, могучие газели.

А если им не течь, не зеленеть листвою,
Родит пустая речь тягучие газели.

Когда стихи звучат, как у певцов искусных,
Где сыщешь звучный лад певучее газели?

Суть нашей жизни всей — как бы котел кипящий,
И слой в нем всех вкусней — кипучие газели.

Когда в строках стиха не бьются соки жизни
Родится чепуха — трескучие газели.

Дурным стихам не стать стиху Барно четою:
Хромым гонцам под стать беззвучие газели!

* * *

На заре, ветерок, ты меня пробуди,
Вздох мой, веяньем утра маня, пробуди.

Я навстречу рассветной красе поскачу, —
Дай мне стяг и лихого коня, — пробуди.

Гляну я на сверканье светлых небес
И на землю в сиянии дня, — пробуди.

Чтобы мне луч горячей зари не проспать,
Ты мой слух, нежным зовом звеня, пробуди.

Я в разлуке горю, излечи мой недуг
Жаром искр зоревого огня, — пробуди.

Я сказала тебе о себе лишь одной,
Но и всех ты, от мрака храня, пробуди.

Ветерок, на тебя уповает Барно, —
Не лишай ты защиты меня — пробуди.

* * *

Калямом не коснись бровей — не тронь запечатленный
образ,
Пусть небо в красоте твоей хранит луны нетленный образ.

Две черточки наведены на ясном лице, словно луки, —
Без их истомной прямизны неполон несравненный образ.

Когда ты бровью поведешь, не пристыди луну на небе, —
Как бы на круг не стал похож твоим челом явленный
образ.

Едва взглянусь в черты твои, читаю я стихи корана,
Чтоб от огня моей любви не рдел воспламененный образ.

Ресницы-стрелы! Их черда бровями-луками хранима, —
О, если б жил до Дня Суда красы неизреченной образ!

Как полумесяцы с луной в ночи — твой лик и
чудо-брови, —
Пусть всего мира свет дневной не скроет их бесценный
образ.

Про ночь с луной священный стих Барно смиренно
вспоминает:
Тот стих и этот — розны, в них различен сокровенный
образ.

* * *

Когда пишу я, плачет, увы, навзрыд письмо,
Кровавых ран следами мне грудь клеймит письмо.

«Что плачешь?» — вопрошаю, но мне ответа нет,
Рыдает еще пуще, как от обид, письмо.

Молю я, умоляю — и слышу я в ответ:

«С иной ты пишешь думой — тебе претит письмо!

Мечту таишь ты в сердце, а пишешь о другом, —

Не совладать мне с нею», — мне говорит письмо.

А я в ответ: «Пишу я с надеждой на тебя:

И тайный смысл откроет, как он ни скрыт, письмо.

Письмо не канет в небыль — потом его прочтут:

Что надо знать потомкам — не утаит письмо!»

И пусть письмо надежду таит, как и Барно,

Хоть ее в горькой доле и ввергло в стыд письмо.

* * *

Если бы любовно, верно вил по шелку слог писец,

Если б послужил усердно ради этих строк писец!

Да вовек во тьму не канут строки шелковых страниц,

Да создаст цветы, что станут свежи вечный срок, писец!

Приложил бы он старанье буквы холить, как цветы, —

И взрастил бы сад познания — бедным бы помог писец!

Добрым словом, в строки влитым, весть благую возвестив,

Помощь бы сердцам разбитым подал, как пророк, писец.

Если, как цветы тюльпана, ветер тронет письмамена,

Как бесчестья от изъяна избежать бы смог писец?

Мук моих огнем багровым пышет жар его письма, —

Сможет ли поведать словом боль моих тревог писец?

О Дильшод, к какому благу твой посмертный клич позвал,

Если б сих писемён бумагу для людей сберег писец?

* * *

Давай стихи слагать, мой друг, с тобой вдвоем, — хвала
удаче,
Восславим торжество наук, ум воспоем, — хвала удаче.

Печальным стал тернистый путь и знания и просвещенья:
В правдивой речи смелым будь, стань ей вождем, —
хвала удаче.

И я хвалить твою красу, пока жива я, не устану —
Пока любовь к тебе несу в сердце моем, — хвала удаче.

А если ты напишешь стих о моем горе, все поведай
О сонме страждущих других в стихе своем, — хвала
удаче.

И если ты меня, мой друг, жалеешь — загляни мне в
сердце, —
Поведаешь ты, как от мук горят огнем, — хвала удаче.

О, ты познал ведь, что невмочь сносить любовное
похмелье, —
Скажи, что страждущим помочь мы всех зовем, — хвала
удаче.

Не раз Барно в стихах своих о горе любящих писала,
И я слагаю этот стих опять о нем, — хвала удаче.

* * *

Узбеки и арабы дружат, и дружбы их основа — хадж,
Во благовременье им служит ко благу это слово —
«хадж».

Иной уходит на чужбину, чтоб увеличить свой доход,
А выставляет как причину своекорыстья злого хадж!

Он худо-плохо понемногу ухватит — и немалый — куш,
А говорит, что служит богу, и повод ему снова — хадж.

По виду ради веры правой идет к Каабе толстосум,
А обернется лишь забавой лгуна и пустослова хадж.

Бедняк уйдет, простясь с семьею, и смерть найдет в чужом
краю:
Безвестный холм с чужой землею для бедняка такого —
хадж.

Я к богу вознесу моленье одна, Дильшод, в ночной тиши,
Чтоб был зачтен мне и под сенью родного дома-крова
хадж.

* * *

«Ты сеть любовных уз порви!» — соперницы твердят мне
строго,
«Нет, — я сказала, — лишь в любви мне преуказана
дорога!»

Вы говорите мне: «К чему ты ниц перед любимым пала?»
Я говорю: «Не отниму я лик от милого порога».

Вот вы твердите мне: «Уйди! Зачем любви молить так
долго?»
«Как, — отвечаю, — мне уйти? Ведь он красив, а я
убога!»

И если от своих ворот прогнать меня любимый хочет,
Пусть он мне голову ссечет, умиловившись хоть немного!

Пусть кровь моя течет рекой, весь мир окрасив в цвет
тюльпана,
Пусть друг мой силой колдовской пройдет ту реку, —
ради бога!

И если роком суждено рыдать мне возле дома друга,
Пусть он хотя бы стон Барно допустит до дверей чертога!

* * *

Если бьет тебя градом невзгод, от мирской суеты отрешись,
Если жизнь тебя мучит и бьет, от земной маеты отрешись.

Все познаешь ты в жизни своей: рядом будут друзья и
враги, —
Утешайся поддержкой друзей, от врагов своих ты
отрешись.

Нет на свете прекрасней усад, чем добро человеческих
дел,
Но и сладость бывает — что яд: ты от зла и тщеты
отрешись.

Дан устам суесловный язык — от злословья его удержи,
А злословить начнет — в тот же миг ты от слов, что
пусты, отрешись.

Если имя твое — «человек», ты того, кто и честен и добр,
Не унизь клеветою вовек и от слов клеветы отрешись.

Не один ты на свете живешь — людям верным и
преданным будь,
Все дурное в себе уничтожь и от неправоты отрешись.

Если стрелы в прицеленный круг ты, Дильшод, не
сумеешь послать,
Брось оплошно стреляющий лук — от своей слепоты
отрешись.

* * *

Болью страсти в теле стонет мой в любви болящий дух,
В жилы и суставы гонит кровь струей палящей дух.

Мучит тело жар кровавый — без огня горячкой жжет, —
В сердце войском для расправы вторгся мой горящий дух.

Рассеки мне грудь на части и в чертог души взгляни:
Там звучат напевы страсти песнею, томящей дух.

С милым другом в тихой келье хорошо испить вина, —
Подготовил нам веселье нас вином хмелящий дух.

Опален любви недугом, сердце трепетно спросил:
«Будешь ли ты верным другом для души скорбящей?» —
дух.

«Свой огонь моим пожаром, — сердце молвило, — усиль»,
И зажегся новым жаром пыл любви таящий дух.

«Ты — Барно, тебе не ново пылом страсти душу жечь!» —
Так сказал мне свое слово пир любви творящий дух.

* * *

Очи я отдам мои, лишь бы книга стала ясной,
И глава о бытии вся была б — с начала — ясной.

В буквы мне бы жизнь вдохнуть, чтобы рдеть им жаром
молний, —
Стала б в человеке суть, словно бы зеркало, ясной.

Даже подлый обретет отраженье совершенства,
Если дарит небосвод отблеск ему ало-ясный.

Что́ мне райских гурий вид! Я ль незримое восславлю!
Море бытия бурлит белизною вала ясной.

— 20 —

Как же будет не чужда праведникам ложь притворства,
Если в шейхе и следа веры не бывало ясной!

С черным клобуком к чему каландар так верно дружит,
Если шейху — и тому вера лик являла ясный?

Что́ все дольные края для тебя, Барно, на свете?
Зов из стран небытия слышен небывало ясный!

* * *

У Низами и Фузули произведений много, —
На тех, что вслед за ними шли, влиял их гений много.

В газелях слог их был медов, искусность их отменна,
У них, как на ветвях — плодов, стихотворений много.

На состязаньях их успех — под стать победам шахов:
Стихи их были лучше всех и совершенней много.

Все земли тюрок — до одной — и ценят их и любят, —
Звучит в Коканде с Ферганой им восхвалений много.

Дар их высок, как небосвод, им нет обоим равных,
А жаждущих достичь высот таких ступеней — много.

Их свет могуч, словно раскат неотразимых молний,
И тех, что отблеском горят их отражений, — много.

Дильшод, любой признать готов, читая стих твой мерный:
В твоих стихах — тень их стихов, и полутеней — много!

* * *

О сердце, душу пожалей: она от ран сгорела, — глянь,
Твоей любимой быть бы ей — не узицею тела, — глянь.

Взгляни и глаз не отводи, вовек ее не забывай,
Улыбкой светлой награди — с участием то и дело глянь.

Никто из вас не одинок — вам друг без друга жизни нет,
И, как к тюльпану мотылек, к тебе льнет она смело, —
глянь.

Того, кто столь отважен был, стремглав летел на твой
огонь,
Да не сожжет твой жаркий пыл! Доверься ей всецело, —
глянь.

Желанно ей к тебе прильнуть и у тебя искать приют, —
Смотри, не заступай ей путь: она к тебе летела, — глянь.

Ей милосердие твое желанно, милостивым будь,
Ведь верность, преданность ее не ведает предела, — глянь.

О сердце, я уже давно жду от тебя вестей любви:
Нужна жемчужина Барно — та, что в тебе созрела, —
глянь.

* * *

Счастливой вести я ждала, а весть была кроваво-горькой,
Заря была мне не светла, и ночь была мне, право, горькой.

Мне путь любви мерцал вдали, и мнилось мне прослыть
счастливой,
Меня ж безумной нарекли, и стала моя слава горькой.

«Вот-вот проглянет солнца свет», — я тешилась себе в
забаву,
Но в беспроглядном мраке бед была моя забава горькой.

По краю кубка моего медвяный стих я написала,
Но недруг влил мне яд в него — увы, была отрава горькой.

Тот кубок, что держала я, неверный друг мой опроки-
нул, —
Злосчастная судьба моя была, увы, неправо горькой.

Но мой неверный на меня ни разу даже и не глянул, —
Презрел, за преданность казня, — о, сколь была расправа
горькой!

Что делать? Всё — Барно во вред: медовой речью я
молила,
Но от любимого в ответ мне весть была лукаво-горькой.

* * *

Мы знаем: сахар или мед для уст и взгляда — сладости,
А богатею и доход, богатство клада — сладости.

Заботой рук людских цветут посевы даже в засуху, —
Хоть и тяжел, а сладок труд, и сердце радо сладости.

И саз и най для бед людских бывают утешением:
Порой сильней утех иных — звук, полный лада сладости.

Людскому вкусу не чужда любовь к сладостям и сладкому,
Хоть и бывает иногда, что хуже яда — сладости.

Скиталец, чужд мирской тщете, сыт даже горькой пищею,
И, кроме рвеня к доброте, ему не надо сладости.

Когда властитель — не злодей в своих мирских
свершениях,
Иных не надобно сластей, — вот в чем услада сладости!

О шахах и скитальцах стих, Дильшод, ты пишешь
искренне, —
И в искренних словах твоих — сама отрада сладости.

* * *

Пришлет мне в сад благую весть мой друг прекрасный,
безусловно, —

Цветник мой вешний станет цвезть красою ясной,
безусловно.

И, чтобы красоту твою изобразить достойным словом,
Во стане речи я спою стих сладкогласный, безусловно.

Но чудный образ твой создать достойными тебя стихами
Не станет сил, как их ни трать, во мне, несчастной,
безусловно.

Чертог свиданья сеть вериг от глаз надежно ограждает,
И рвенье видеть милый лик — то труд напрасный,
безусловно.

Мой путь к любимому суров: как я ни тщусь тот путь
осилить,
Он прегражден моих врагов толпой опасной, безусловно.

Влюбленный слаб, и потому весны надежд ему не ведать,
Пока не пособит ему радеть властный, безусловно.

В скитальце бедном все мертво от мук любовного
похмелья, —
Лишь запах роз спасет его от муки страстной, безусловно.

Ты, сжалившись, открыла дверь для страждущих
в чертог свиданья, —
Рассеется, Барно, поверь, и мрак злосчастный,
безусловно.

* * *

Подруги, сестры, вы — друзья всех моих дум-бесед!
Споем во славу бытия, — веселья лучше нет.

Откиньте от чела покров — пусть люди видят вас,
Пусть их влечет, как мотыльков, красы лучистый свет.

И пусть вовеки край родной не тронет супостат,
Нахлынувши в тиши ночной лавиной зла и бед!

В родных полях престранный лов теперь везде идет:
Бьет воронье перепелов уже немало лет.

Да, я таджичка, но мне люб и тюркской речи строй, —
Да не наложит душегуб на речь мою запрет!

Ташкент, Коканд и Фергана, Ходжент — да внемлют
все, —
Да будет наша песнь слышна — песнь воли и побед!

Возьмите ж сазы, струны их споют напев Барно, —
Да будет ее звучный стих по всей стране пропет!

* * *

Не думай, что лицом, о подлый, ты красив:
Ведь стал ты подлецом, не от красы вкусив!

И не в красе почет — в ней только внешний вид:
И если ты — урод, твой ладный облик лжив.

И не хитри, дурной, а сердцем перейми
Всей красоты земной сверкающий разлив.

И ведай, лиходей: предела правде нет, —
Ты не губи людей — не будь несправедлив.

И молодость, поверь, минует, словно сон, —
По возрасту размерь и дел и чувств порыв.

Кто только с виду мил, а сердцем худ и зол, —
Считай, что весь он сгнил, хоть с виду и смазлив.

Что — сверху, что — на дне, — все соразмерь, Барно:
Прекрасен мир вдвойне, две сути вместе слив.

* * *

Здесь в Коканде лох и слива всех земных услад приятней:
Вкус халвы кашмирской — диво, а у них — стократ
приятней.

Виноград у нас отменный — удивленье всей вселенной:
Красоты Лейли нетленной этот виноград приятней.

Всё, что зреет в Намангане, — всякий поздний плод и
ранний —
Всяких привозных даяний, всех иных отрад приятней.

А какая здесь пшеница: хлебу всяк у нас дивится,
В нем и малая крупица — чем бесценный клад приятней.

Рис тут варят образцово — не сыскать чуднее плова,
Всяких яств он, право слово, люди говорят, приятней.

А Ферганский край цветущий — лучше всяких райских
кущей:
Это диво жизни сущей — что там райский сад! —
приятней.

Да споет поэт всесветный, как Барно, свой стих
заветный, —
Проповеди пустоцветной его звучный лад приятней.

* * *

Шейху мысль о единенье с высшим существом усладна,
А главе похмельных бдений тешиться вином усладно.

Если в сердце силу зова вдруг взыскующий утратит,
Что же будет в нем людского, что же будет в нем усладно!

Многим в их влечение страстном суждено обрести удачу,
Мне ж в скитании всечасном думать о хмельном усладно.

Если же меня ославят за любовь, хмельная чаша
Мне желанный образ явит, — думать мне о том усладно.

Выпью влагу я хмельную — и желанный лик увижу,
В море страсти потону я, мне — на дне морском усладно.

Все влюбленные стремятся путь любви пройти с
терпеньем:
Им, словно Меджнун, скитаться, свой покинув дом,
усладно.

Что тебе судьба велела, то прими, Барно, покорно:
Выйди в путь и шествуй смело, — жизнь в пути таком
усладна.

* * *

Возьми калям, пиши газели, — нас так наставники
учили,
Будь вдохновенным в этом деле, — нас так наставники
учили.

Учись с терпением искусству, знай жизнь людскую, ей
сочувствуй,
Пой соловьиным ладом трели, — нас так наставники
учили.

Пороку и греху не следуй, о светлом, радостном поведай.
Будь ревностным в любовном хмеле, — нас так
наставники учили.

Не стой от знания далёко, не жалуйся на козни рока, —
Иные в этом преуспели! Нас так наставники учили.

И если нрав в тебе хороший, не ведайся с ханжой-
святошей:
Ум подчинишь корыстной цели, — нас так наставники
учили.

Не лезь в друзья к чинам кичливым — и горделивым
и чванливым:
От спеси — хворь в душе и теле, — нас так наставники
учили.

Трудись всегда с народом вместе, будь прям, живи всегда
по чести,
Кто одинок, тот не в беде ли? Нас так наставники учили.

Взяла калям я в руки смело и жизнь людей в стихах
воспела, —
Всё сделала, как мне велели, — нас так наставники
учили.

И если ты про пыл любовный, Барно, напишешь стих
свой ровный, —
О людях пой, об их уделе, — нас так наставники учили.

* * *

Человек, тебе большая в жизни сила надобна:
Чтобы жизнь прожить, пылая, — много пыла надобно.

Нужен пыл тебе, пригодный для свершений жизненных,
И — чтоб сил, под стать природной, в тебе было, надобно.

Этих сил и мощь и диво ты укрась усердием:
Чтоб ты делал всё радиво, не уныло, — надобно.

Всем этим дарам в подмогу совесть пригодилась бы:
Чтоб она тебе дорогу осветила, надобно.

Всех этих достоинств мало: будь прилежен в рвении,
Чтоб твое служенье стало людям мило, надобно.

Будь в служенье вдохновенным, верным будь и
преданным:
Чтоб трудом самозабвенным сердце жило, надобно.

Следуй Навои заветам, о Барно, с прилежностью:
Чтоб сиял тебе он светом, как светило, надобно.

* * *

Кичливости во мне и свойств бахвала нет,
Пристрастья к похвальбе во мне нимало нет.

Других учить уму, давать наказов тьму,
Их руша самому, ведь не пристало, нет!

Рядиться простаком — судить о всем мирском
Притворным языком я бы не стала, нет!

Наружный вид и суть едины, — не забудь,
И пользы ведь ничуть от пустохваля нет.

Днем посещать мечеть, а ночью пить да петь —
Что проку в том? — ответь. Его и мало нет.

Иной твердит, упрям, — мол, честен я и прям, —
Не верь таким лгунам: острей их жала нет.

Иной божиться рад, а сам — нажиться хват, —
Такой, Барно, разлад я б не признала, нет!

* * *

Забыл наставник нас, гуляк, — читать не станет
проповедь, —
Ах, почему же нас никак, увы, не манит проповедь?

Наш проповедник, знать, зачах: он любит только золото,
О добродетельных речах и не вспомнит проповедь!

Он в обещаниях толков ради наличной выгоды:
Лишь кошельки у простаков упрямо тянет проповедь.

Он говорит нам, что, мол, вы рай обретете в будущем,
Но самого его, увы, и не дурманит проповедь.

И всё твердит нам старичок, что грех — уста хмелящие, —
Хоть в ней о золоте — молчок, нас не обманет проповедь!

Он, вроде, речи говорит ради людей обиженных,
Но о причине их обид не упомянет проповедь.

Бесцельно вязь словес плетет речь старца голосистая:
Глядишь, не будь стиха Дильшод, бесследно канет
проповедь!

* * *

Стихов величественный шах, искусностью слывет Хафиз:
Он — как луна в своих стихах, — сияет нам с высот
Хафиз.

В словах он, как никто, остер, в подборе тонких слов
хитер,
Он блеском радует наш взор превыше всех щедрот,
Хафиз.

Он сам испил волшебный сок и нам испить его помог:
Он, жизнь вложивший в чудо строк, нам радость жизни
шлет, Хафиз.

И все, кому он был не мил, кто за грехи его корил, —
От них давно и след простыл, а жив из года в год Хафиз!

Пел сладкогласный Навои, как соловей, стихи свои,
И звучным ладом строк любви снискал себе почет Хафиз.

А где теперь его завет, и кто идет за ним вослед?
В его стихах огрехов нет: пример нам всем дает Хафиз.

В стихах Дильшод — искусный лад, — об этом люди
говорят, —
Завет твой мною перенят: тебе верна Дильшод, Хафиз.

* * *

К нам упреки есть едва ли — безупречными слышем мы,
И весь суший мир создали разумом своим, трудом мы.

В отрешенье от вселенной мы бредем в одежде брениной,
Обозреть весь мир сей тленный всех иных людей
зовем мы.

Нам твердят враги: «Негоже вам к благим мужам
соваться!» —
«Как и все, мы — люди тоже», — им в ответ стоим на
том мы.

Говорят нам, к нам взывая: «Позабудьте хмель
порока!» —
«То не хмель — вода живая уст благих!» — ответ
даем мы.

Чтим мы в верности всечасной и Мансура, и Машраба, —
Что наставник нам бесстрастный, — не хотим и знать
о нем мы.

Чьи уста огнем горенья — жаром страсти не пылают,
Гневом нашего презренья, как змею; того убьем мы.

О невежда, неужели так и будешь ты незрячим?
Чти Барно,— ее газели разве вместе не споем мы?

* * *

Сюда, подруги,— все сюда, берите бубен, саз,—
Во благо нам после труда отдохновенья час.

Восславим диво красоты родной земли своей,
И пусть все цели и мечты объединяют нас.

Споем вослед за Надирой лады ее стихов,—
Пускай в их песенный настрой и наш вольется глас.

Стих Увайси да будет спет и песни Махзуны,
Да будет нам в часы бесед дарован их наказ.

Да воспарят биеньем крыл стихи газелей их,
Чтоб в наших душах жизни пыл горел и не погас.

А если только тусклый свет засветится в душе,—
Самой красы в газелях нет, а есть лишь блеск прикрас.

Читающий да вознесет хвалу стихам Барно,
Когда свет истинных красот в них будет в самый раз!

* * *

В сердце бьются и бурлят, как родник, желанья,
И не ведают преград ни на миг желанья.

Все желанья, как на грех, гонят сон полуночный,
Лишь припомню: мучат всех горемык желанья.

Хоть у всех людей, заметь, есть различья в помыслах,
Все сердца, как будто в сеть, ловят вмиг желанья.

Только дум моих уклад не такой, как прочие:
Тайну сердца ворошат, как тайник, желанья.

Мысль о дочерях — со мной: волю б дать затворницам —
Был бы в них к судьбе иной пыл велик желанья.

Мне бы жить, лета срастив с их годами юными,—
Стал бы общим наш порыв и достиг желанья.

Пусть недолог будет бег лет, Барно отпущенных,—
Был бы дочкам долгий век,— вот мой крик желанья!

* * *

Вот мне уже за пятьдесят, а все горят желанья,
Быть вечно юными велят нам для услад желанья.

В огне любви сгорев давно, прошла я путь мой
жизненный,
Порою сердце стеснено, а дух манят желанья.

Был мне дарован чудный миг неизреченной милостью:
Вложили в мой немой язык певучий лад желанья.

Ты даже в клятве утаи страданья страсти огненной:
Ведь тайну страсти и любви в себе таят желанья.

Тот, кто мечтою вдохновлен, с пути не возвращается:
Не признают себе препон или преград желанья.

Не жги мне сердце, лиходей, огнем несправедливости:
Ведь жар любви еще сильнее — его палят желанья.

Взгляни: настал желанный срок — и в сердце радость
вешняя,—
Твое, Барно, небесный рок узнать был рад желание.

Вкусить нам хмель вина, собравшись в круг, привычно —
Забуть в те времена боль тайных мук привычно.

Но, даже оградясь от всех мирских пороков,
Из ров осадных грязь нам пить, мой друг, привычно.

Вот почему, забыв все строгие запреты,
Струн звонких перелив нам слушать звук привычно.

Что рай и ад для нас? Свиданья с милым ликом
Нам ждать урочный час в плену разлук привычно.

И, сняв с чела покров — откинув черный полог,
Любить нам час стихов и наш досуг привычно.

Забыв о ханаке — о суете и сварях,
Друзей нам в кабачке собрать вокруг привычно.

Вкусить вина спеши, Дильшод, в веселом бденье!
Лечить нам боль души — наш злой недуг привычно.

* * *

Мне страшен стал мой грозный рок, и я не обрела
спасенья,
Безумной стала от тревог, и я не обрела спасенья.

Тогда я к суфиям ушла, и сердце страх уже не мучил,
Но пламень веры меня сжег, и я не обрела спасенья.

Я вверилась мужам ума, наказы суфиев забыла,
Но ум без веры жить не мог, и я не обрела спасенья.

И я задумалась тогда: что правит нашею судьбою?
И поняла я: ум жесток, и я не обрела спасенья.

Прав, мнилось мне, обычный люд, к познанию жизни
безучастный,
И знаний мне постыл чертог, и я не обрела спасенья.

И света не было очам, и не было рукам занятыя,
И больше не было дорог, и я не обрела спасенья.

И судьи вынесли мне суд: Дильшод за ересь обезглавить,
Но душу суд убить не смог, и я не обрела спасенья.

* * *

Я мыслю так: мой край родной необновленным быть не
может,
Народ, всего лишенный, мой невозрожденным быть не
может.

Нет, силы не погибнут зря: мечты взвиваются к высотам,
И город вместо пустыря не возведенным быть не может.

Над бедняками тяжек гнет: они, не чуя тел, влачатся,
Но возродится наш народ — он покоренным быть не
может.

Путь правоверных чист и прям: безверье перед ним
ничтожно,
И верь: неправоверный храм несокрушенным быть не
может.

О старец, милость нам яви: скажи, где путь в обитель
хмеля?
Кто захмелел — на песнь любви не вдохновленным быть
не может.

Дай мне бумагу — добрым будь: Барно завет напишет
людям,
Что им к сиянью счастья путь неосвященным быть не
может.

* * *

Силою бесовско-дикой шахам застит взор война:
Всего мира стать владыкой им сулит раздор — война.

Вечное стремленье к войнам — свойство всех земных
владык:
Подлых причислять к достойным любит с давних пор
война.

Ссоры тешатся забавой: в душах — смута и разбой,
Душит алчностью кровавой глотки жадных свор война.

Хан воюет безоглядно, словно мечет кость в игре, —
Всё заглатывает жадно, всем несет разор война.

Стычки, схватки год за годом, кучи срубленных голов,
Вновь войска идут походом: вечный спутник ссор —
война.

Раньше шахи и стихами славу добывать могли,
А теперь погрязли в сраме: нынче люб им спор — война.

Чтоб поэтами владыки стали, — вот мечта Барно:
Станет стих острее пики — сгинет и позор — война.

* * *

В мой сад воинственно жестоко, словно набег, пришла
зима,
«Готовься, я — злой вестник рока», — сказала мне бела
зима.

И стужа по увядшим розам хлестнула ледяной струей, —
Насквозь пронзило их морозом: вздохнув, их размела
зима.

Вослед за летнею порою — осенней щедрости дары,
Но только снег перед собою вздымает, как метла, зима.

Деревьев золотые кроны она смела к своим стопам,
И, холодом дохнув с разгона, их пред собой взвила зима.

Животных — немощных, ослабших — она с родных
прогнала мест, —
Повергла в ужас их, озябших, — лишила их тепла зима.

Все замело, и сторож сада привычных не найдет дорог, —
Его растерянности рада, беспечно весела зима.

Ей и отрада и услада — чтоб в жилах леденела кровь,
И, видно, цвету крови рада, все красит добела зима.

* * *

Что станет, если вдруг луна в западной стороне взойдет,
И солнце, скинув полог сна, сияньем при луне взойдет?

Не думай, что весь мир земной постигнет смута —
Судный день, —
Он новым станет: свет дневной в нем дважды и вдвойне
взойдет.

Представьте: ночью лунный лик сверкает заревом лучей,
Едва померкнет он — и вмиг светило в вышине взойдет!

И солнце поутру взойдет, и, лишь настроясь на заход,
Тысячекратно в свой черед с собою наравне взойдет!

И сонм сверкающих лучей всё блеском счастья озарит,
И свет, не знающий ночей, в небесной крутизне взойдет.

И, возрожден, весь мир земной впитает тысячи лучей, —
Средь зимней стужи летний зной сияньем вслед весне
взойдет.

Наш день — чета ль такому дню? Нет, он — лишь робкий
ученик.

Барно, надежду я храню: свет ее солнца мне взойдет.

* * *

Во тьме моих разлук в ночи горит свеча,
Наперсник моих мук и всех обид — свеча.

Как жар моей души, она горит всю ночь —
Со мной в ночной тиши, как друг, грустит свеча.

Ей боль моих невзгод всечасно душу жжет:
Страдая, слезы льет почти навзрыд свеча.

Когда в чаду утрат стенаю я от слез,
Одевшись в черный чад, со мной скорбит свеча.

Чернее моих мук обугленный фитиль, —
Мне лечит злой недуг, что в сердце скрыт, свеча.

И если плач мой тих, как будто в смертный час,
Шипя от слез моих, сильнее чадит свеча.

Мой друг меня сожжет, мне навевая сон, —
Как тайный жар Дильшод, мир озарит свеча.

* * *

Хочет слыть благочестивым — до чего ж хитер ханжа,
Руки ханжеским извивом к небесам простер ханжа.

Он не смотрит, кто — греховный, кто — поборник правых
дел, —
Речью злобно-суесловной мелет чушь и вздор ханжа.

Пусть молитвой — самой лучшей — тешит душу
лиходей,
Все равно он — враль заблудший, лживый с давних пор
ханжа.

Хворь — одна или другая — не излечится мольбой:
Лишь слегка недомогающая, безнадежно хвор ханжа.

Кто — в злословье неуёмном, тот, считай, погиб навек:
Станет нищим и бездомным, претерпев разор, ханжа.

Лгун, по виду безобидный, лишь о вере речь ведет, —
Речью тешится бесстыдной всем наперекор ханжа.

От ханжей держась подале, в кабачок идет Барно:
Ей до веры нет печали, быть с тобой — позор, ханжа!

* * *

О ты, невежда притворенный, мне на твой лоск
блестящий — тьфу,
Всей твоей жизни, зря пройденной, и «праведности»
вящей — тьфу.

Оброс ты сединой белесой, так ничего и не поняв,
Для всех грехов твоих завесой был твой платок
слепающий, — тьфу.

Ты слыл всегда боголюбивым, а в черном сердце зло
копил,
Обманным действовал зазывом и речью, хитро
льстящей, — тьфу.

Ты словоблудием коварным к святым могилам звал
людей,
И льстиво был высокопарным твой говорок юлящий, —
тьфу.

Чтоб жить в бездельничанье сладком, ты кровь народную
сосал, —
Твоим несправедным недостаткам, корысти, всех
губящей, — тьфу.

Как курица, ты без оглядок всё непотребное сжирал, —
Был до дерьма и дряни падох ты весь свой век
ледащий, — тьфу.

Конь и с одним кнутом — ретивый, тебя ж — и сотней
не проймешь,
И весь ты, от хвоста до гривы, в глазах Барно —
пропащий, — тьфу.

* * *

Разлад в душе — беда, а тишь и лад — иное,
Сей странный мир всегда бедой чреват иною.

Одно — шумливый крик веселой суматохи,
Стон бедных горемык, боль их утрат — иное.

Одно — в тиши лачуг стенанья и рыданья,
А бубна мерный стук и струн раскат — иное.

Одно — когда бедняк скитается без крова,
А с травлей гнать собак из всех засад — иное.

Жизнь за любовь отдаст лишь истинно влюбленный:
А кто в любви горазд ждать лишь услад — иное.

От века рок-злодей плетет свои коварства,
А помыслы людей, что жизнь влачат, — иное.

Нет, видно, не найти Дильшод дорогу к счастью, —
О правде речь вести, сгорев стократ, — иное!

* * *

Аллаху бай кичливый — раб,
Мулле народ пугливый — раб.

«Служу я богу», — бай твердит,
А сам — своей наживы раб.

Сын богача — до денег хват:
Он, как отец, — поживы раб.

Ему — лишь пить, играть да есть,
Он — плоти прихотливый раб.

С людской еды все пенки снять
Готов сластолюбивый раб.

Хитрит и лицемерит шейх —
Обмана суетливый раб.

Барно, боголюбив лишь тот,
Кто — верный, а не лживый раб.

* * *

Безумное сердце, ты — в горе глубоком,
И нет в тебе страха уже перед роком.

Суровый мой рок был училищем скорби, —
Счастливому это да станет уроком!

Упорно судьба меня горю учила —
Свой ворот рвала я в страданье жестоком.

Где горечь отравы и яда всеильна,
Сыскал ли кто правду в пути одиноком?

Безгласных, несчастных гнетут лихоимцы, —
Бессрочным страдания тянутся сроком.

Но все же Кавэ одолел и Заххака —
Того, кто главой был несчетным порокам.

Проснись же, Дильшод, путь ищи справедливый, —
Будь стойкою в странствии этом далеком.

* * *

Когда мулла плетет свой бред,
Ты верь всему — в том дива нет.

Бог создал умным богача, —
Уж так устроен этот свет.

А бедняку — удел иной:
Он незадачлив в доле бед.

И потому богатый бай
В парчу и шелк всегда одет.

А бедняки — исчадьё зла,
И лишь мякина — их обед.

Коню привычна кровь в бою,
Ослу тяжелый груз — сосед.

Но и осел пусть отдохнет, —
Вот твой, Барно, ослу совет.

* * *

Как быть мне, если ты меня не вспомнишь никогда,
увы, —

Цветущий сад мой не ценя, ты не придешь сюда, увы?

Как быть, если ты щедрый дар мне не подаришь — море
слёз, —

Моей любви палящий жар не загасить тогда, увы.

Но нет, ты сжалишься, и сам пришлешь письмо издалека,
Не то мой пепел к небесам взметнет твоя вражда, увы.

Мне, видно, срок уже приспел закрыть глаза на этот
мир, —

Боюсь, не ждать мне твоих стрел и твоего суда, увы.

Темно мне в доле моих бед — в крошечной тьме разлук с
тобой, —

Ужель твоего лика свет закрыт мне навсегда, увы?

Привычно мне в урочный час дорогу знать к торгам
любви, —

Но ты красы своей атлас не привезешь туда, увы.

Мою развеять красоту хотел неверный друг, Барно, —
Боюсь, и ты мою мечту развеешь без следа, увы.

Мне с утра и до ночи свет солнца закрыт,
Тусклый отблеск лишь дарит мне солнца заход.

С Искандером двурогим сравняться бы мне, —
О, тогда бы вовек я не знала невзгод!

Но тебе светит солнце и в недрах земли, —
О Дильшод, у корней твоих мощен разлет!

* * *

Мне говорят: «Ведь ты — Дильшод, — зачем зовешься ты
«Барно»?»
О, в этом имени красот немало соединено.

Когда иду я, за спиной пушятся пряди моих кос, —
О, ими мне мой край родной от скверны обметать дано.

Когда изгиб бровей моих любимый принял за михраб,
Ему ответила я: «В них два мира слиты заодно».

Кто в зеркало очей моих взглянется хоть единый раз,
Боль за страду людскую в них ему увидеть суждено.

Кто алый цвет моих ланит увидит, да поверит он:
Кровь мучеников в них горит, багрянцем рдея, как вино.

В рубине губ моих, мой друг, вся боль души отражена:
Я прикусила их от мук — всё сердце болью сведено.

Мне говорят: «Зубов твоих алмазно-твёрд блестящий
ряд», —
Как стрелы, в недругов людских готова их метнуть Барно.

* * *

Сад всей вселенной — Истравшан,
Сказ вдохновенный — Истравшан.

Твою пшеницу знают все:
Твой хлеб — отменный, Истравшан.

Прекрасней всех твой виноград,
Ты — сад нетленный, Истравшан.

Ты сыновей своих растишь,
Как дар бесценный, Истравшан.

Но заедает горький рок
Весь век их бранный, Истравшан.

Сановный люд тебя гнетет
Неволей пленной, Истравшан.

Дождаться ль счастья вольных лет
Дильшод смиренной, Истравшан?

* * *

Любимый, пусть всегда твой лик цветущим и румяным
будет,
А вешней красоты цветник — украшен твоим станом
будет.

Две твои брови — чудеса («абру» — скажу я
по-таджикски),
Пусть украшеньем их краса всем рощам и полянам будет.

Истомен взор твоих очей (таджикским словом «чашм»
скажу я),
Пусть он всегда во тьме ночей хмельным, словно
медвяным будет.

Несметен строй ресниц твоих («муджгон» скажу я
по-таджикски)
Пускай он в цветниках моих примером всем охранам
будет.

Твой чудный лик — как вешний сад, скажу тебе я без
утайки, —
Пускай он краше, чем гранат, — всегда цветуще-рдяным
будет.

А уст рубиновых родник с жемчужно-белыми зубами
Пускай украсит свиток-лик — заглавьем в нем багряным
будет.

Ты кос моих за годом год считай бесчисленные пряди, —
Пусть для Барно тьма их тенет на много лет капканом
будет.

* * *

Лети, мой легкий ветерок, скажи — пусть милый друг
придет,
Пусть он избавить от тревог, спасти меня от мук придет.

Я знаю, что не близок путь, я жду — очей мне не
сомкнуть,
О, попроси же, не забудь — пусть он неожиданно вдруг
придет.

Кругом враги со всех сторон — моих соперниц лютый
рой, —
Да будет смелым, храбрым он — прорвав их злобный
круг, придет.

И пусть злословят-говорят, что грозен строй моих ресниц,
Да будет смелым его взгляд, — пусть он, презрев испуг,
придет.

О, если б он скорей пресек моей разлуки злую боль, —
Пусть он лекарством сладких нег мой исцелить недуг
придет.

Лукавый друг хитрей, чем враг: он с белым стягом тих и
благ, —

Пуускай, подняв свой алый стяг, мой луноликий друг
придет.

* * *

От века жизнь и кровь земле дает вода,
Создатель всех основ и всех щедрот — вода.

Но людям здешних мест — в Коканде, в Фергане
Бедою стала вдруг, ярмом невзгод вода.

Ей новый дан закон — плотина и заслон,
И с нынешних времен пошла в обход вода.

Здесь властвуют над ней невежды из невежд,
И страшен для людей весь этот сброд, вода.

И, словно бы озлясь на чуждый ей заслон,
Людей тянуть взялась в водоворот вода...

Господь да изведет невежественный сброд,
И к радости Дильшод вновь потечет вода!

* * *

Двойко предстает очам привычный нам наличный люд:
Единый по своим речам, он, между тем, — различный
люд.

Сил наших и ума удел — служить властителям трудом, —
Различен пользой своих дел как будто бы безличный люд.

Своим трудом взрастивший сад бедняк, словно колючка,
гол, —

Не знает от труда услад бедняцкий горемычный люд.

«И мне б вкусить плоды трудов, — да будет справедлив
богач!» —

К создателю возносит зов к терпению привычный люд.

А те, кто любит лишь мошну, — виновники бессчетных
смут:

Врагам готов продать страну бесчестный и двуличный
люд.

С терпеньем в бедственном краю, с надеждой ждет
погожих дней

И любит родину свою, как жизнь, простой, обычный люд.

Барно мечтает: стар и мал да будут жить на свете так,
Чтоб вкус им созданного знал в свободе безграничной
люд.

* * *

Мне снилась на заре чудесная луна,
Поэзии венцом увенчана она.

И я с почтеньем к ней великим подошла,
И должная хвала была ей воздана.

И я узнала вдруг, что это — Надира,
С ней рядом — Увайси в сиянии видна.

Свет этих двух светил заполнит целый мир:
Сто тысяч поэтесс — любой из них цена.

Мой о гранате стих стократ был восхвален, —
Властительницей я была поощрена.

Пыл гордости во мне поднялся до небес,
Восторгом неземным я вся была полна.

Я, гордая Дильшод, была в кругу светил,
И горько было мне очнуться ото сна.

* * *

Чудесен ты стократ, Уратепе,
Благоуханный сад — Уратепе.

От гор Тяньшаня до Амударьи
Ты лучше всех услад, Уратепе.

Твои поля и взгорья обойдешь —
И станешь жизни рад, Уратепе.

Твоей пшеницы сказочный ковер
Не обзрит и взгляд, Уратепе.

А в городе журчащая река
Душе дарует лад, Уратепе.

Привольем дышит ширь твоих садов, —
Хорош твой виноград, Уратепе.

Хорош, конечно, и Коканд, Барно,
Но место всех отрад — Уратепе.

* * *

Не клони, о ветер, не клони кипариса трепетный росток,
Пыли на листву не нагони, поднятой с обветренных дорог.

А не то под светлою луной будет чернотой зиять пятно,
Словно на израненном войной обгоревшем знамени ожог.

Если хоть иголочный укол уязвит родную Фергану,
Судороги жаркий зуд бы свел каждый палец моих рук и
ног.

Если отнят радости шербет, и с любимым суждено быть
врозь,
Лютой жажды хуже этой нет, — кто такое вытерпеть бы
смог?

Сердце мое, сохшись от обид, стало как безжизненный
пустырь, —
Птицею душа не прилетит на такой иссохшийся цветок.

Горе мне, увы, не превозмочь — мукой родины поет мой
саз, —
Заглушает все и день и ночь звуков моих горестный поток.

Ты в морях стихов идешь на дно, и тебе стать жертвой
суждено, —
Если тебя выловят, Барно, именем своим пометь крючок.

*

Пришла моя осень, весна отошла,
Затмила мой день полуночная мгла.

Исколот о тернии лик-лепесток, —
Морщинам-царапинам нет и числа.

Мой стан согнут горем, как вялый цветок, —
Поник он головой, ему жизнь не мила.

Не знать уж лобзаний бутонам-устам,
Слезами от горя душа истекла.

Что пользы пытаться, где исток моих бед, —
Уж, видно, злой ворон накликал мне зла.

Лукавая птица слетела к цветку,
Отраву в нектар его сладкий влила.

Как роза, увяла, стеная, Барно:
Под гнетом всех бед ее жизнь тяжела.

* * *

Возьму я в руки саз, ай-вай,
Спою-ка я для вас, ай-вай.

Ай-вай, мой Истравшан, ай-вай,
В нем все-то в самый раз, ай-вай.

Ай-вай, ай-вай Коканд, ай-вай,
Ай-вай Алмас, Пангаз, ай-вай.

Ай, Самарканд, ай-вай Хафиз, —
Твой стих потешит нас, ай-вай.

А кто услышит нас, ай-вай,
Тому и год — что час, ай-вай.

Когда услышат нас, ай-вай,
Пора пускаться в пляс, ай-вай.

Барно красивей всех, ай-вай,
И в этом нет прикрас, ай-вай.

* * *

Бровей такой же черноты, такого цвета — не было,
Ресниц такой же остроты не только нет, а не было!

Слепящей белизны чела, румянца, столь же алого, —
Красы, сжигающей дотла, — в лучах рассвета не было.

Как будто войско черных рас, чернеет россыпь родинок,
Такого взора томных глаз и на земле-то не было.

Лукавство на челе твоём горит весельем пышущим, —
Ничьих сердец таким огнем еще задето не было.

Рубины-губы сладких уст — два рдяных полумесяца, —
Вкусивших столь медвяный вкус — я знаю это —
не было.

А перлы-зубки так чисты, что блещут краше жемчуга, —
Вовек такой же чистоты у самоцвета не было.

Лишь красоте сиять дано пылающей розою, —
Такой красоты, как у Барно, еще воспето не было!

ПИСЬМО В УРАТЕПЕ

Сограждане, родной мой люд, — вы в добром ли
здоровии?

Как мы в Коканде, все ль живут, — вы в добром ли
здоровии?

У нас теперь другая власть, пришли к нам люди
русские, —

И ваша жизнь теперь — без смут? Вы в добром ли
здоровии?

Клеймите прошлое старье открыто и без жалости, —
Новь да избавится от пут, — вы в добром ли здоровии?

Нет в городах и кишлаках теперь междоусобицы,
Отчизна всем — родной приют, — вы в добром ли
здоровии?

Былые распри позабыв, нам надо быть едиными, —
В былые дни раздор был лют! Вы в добром ли здоровии?

Драконы схватятся в бою — повсюду разорение,
Сечь головы — обычай худ, — вы в добром ли здоровии?

Глядишь, порой зачинщик свар — муж, вроде,
образованный, —
Таким не люб спокойный труд, — вы в добром ли
здоровии?

Теперь в Коканд открыт вам путь, — о земляки-сородичи,
В краю Барно живущий люд, — вы в добром ли здоровии?

* * *

Я, бедная, в родном краю на муки обреченной стала:
В силке, подобно воробью, свободы я лишенной стала.

Мне шел семнадцатый лишь год, когда вражда и рознь
настали:
Нас злой эмир лишил свобод, и я стенать плененной стала.

От старой матери судьбой отторгнута, увы, жестоко,
Я стала горькою рабой — от слез я помраченной стала.

Проснись, о истравшанский люд, не знай вовеки сонной
доли:
Я, видя, сколь твой жребий лют, в печали жить бессонной
стала.

Будь смелым, смелых в бой влеки и отомсти за наши
муки, —
Я, как из Мерва смельчаки, на битву вдохновленной
стала.

Родной народ родных сторон, не знай враждебности к
Коканду, —
Я ради дружбы двух племен в науках просвещенной
стала.

Будь с тем народом заодно: язык единый вам — опора,
И будет счастье вам дано, — я в этом убежденной стала.

А я в родном краю, Дильшод, — как будто странник
бесприютный:
Иду-бреду путем невзгод и до земли склоненной стала.

МАСНАВИ

Всем ведомы мой род и мое званье,
Росла и родилась я в Истравшане.

Здесь горы вознеслись до небосвода,
И райский сад здесь создала природа.

Здесь по полям и склонам колосится
Прославленная на весь мир пшеница.

О светлый город! Дочь твоя — с тобою,
В твоих горах зардела я звездой.

Всё было для Дильшод здесь вольной волей —
При матери росла я среди раздолий.

Но лишь семнадцать лет здесь и жила я —
Отторгла прочь меня судьба презлая.

Прельстил наш край злодея Умархана —
Поэта, но и злобного тирана.

Привел в Коканд он рать — свою ораву
И учинил разор нам и расправу.

Всех в Шахрихан к нему тогда пригнали,
Меня в числе других туда пригнали.

Я на беду себе слыла красивой, —
Призвал меня к себе злодей спесивый.

Он мне сказал: ты, мол, слывешь поэтом, —
Скажи, кто ты, — потешь меня ответом.

«Да, я — Дильшод, — я отвечала честно, —
Но при мече эмира всё — безвестно!»

«Есть о гранате у тебя присловье? —
«Да, ты налил гранат девичьей кровью!»

Он кликнул — и вошел его подвластный, —
«Распорядись, — сказал он, — о несчастной!»

И страж меня прогнал оттуда — строго
Мне вон была указана дорога.

Но из их лап я вырвалась живая:
Затворицей с подругами жила я.

И двадцать лет я девочек учила, —
Слагать стихи во мне кипела сила.

Сложила я до тысячи газелей, —
Стихи мои про всё на свете пели.

Прошла весна, настал мой день осенний, —
Дождусь ли я дня радостных мгновений?

Об отошедшей плачу я весне, —
Анбар-атын да вспомнит обо мне!

МУХАММАСЫ

Хоть ты письмо и грамоту познала, писать искусно не
смогла, Барно,
Наука тебе сил дала немало, а ты науке не вняла, Барно.
Пороков века ты не осуждала, открыто не клеймила зла,
Барно.
Загадки ты писать не уставала, и много их ты создала,
Барно,
Но, загадав, сама не развязала ты непростого их узла,
Барно!

Вот так свыкалась я нерасторжимо с наукой
безрассудства все сильней,
Загадкою влюбленных одержима, и ум и разум
отдала я ей.
Мой день — что ночь, и дни проходят мимо, и мрак не
шлет отрады светлых дней.
Я стою и рыданием томима — не внемлет даже друг
мольбе моей,
И ты в мой стон не вслушалась нимало, когда печаль меня
гнела, Барно.

Ступай, скажи любимому лишь слово, — готова я терпеть
всю боль разлук,
Пускай его коварство столь сурово, — да не избавлюсь я
от этих мук!
Хоть изредка бы мне дожждаться зова — смягчил бы он
моей любви недуг!
Когда я жизнь отдать уже готова, проведаль бы меня
неверный друг!

Но, сколько я тебя ни умоляла, гонцом моим ты не была,
Барно.

Я знаю, что, увы, в любви всевластной моих соперниц люб
ему урок,
Они же в жаркой злобе ежечасной ему готовят гибельный
ожог.
Мне, ему верной, но, увы, несчастной, одни лишь кары
уготовил рок:
Не в вольный дол, а в путы муки страстной меня безумной
он брести обрек, —
Из мук других влюбленных изначала урок себе не
извлекла Барно.

Ах, что же это за влюбленный, право, что быть в кругу
влюбленных не хотел,
Не проявил ни норова, ни нрава и знать об их законах не
хотел?
Он мое сердце не манил лукаво — и знать о моих стогах
не хотел,
Над бедными ему мила расправа — жалеть он
угнетенных не хотел.
Твоя вина — твоя же и опала: ты в рубище к нему не шла,
Барно.

Теперь ступай путем, тебя манящим, — держись от
невлюбленных вдалеке,
Подумай о вине любви хмелящем в пристанище
влюбленных — в кабачке,
Безгласных напои вином шипящим — обрадуй тех, кто —
в горе и тоске.
Пока жива, пиши о настоящем — воспой вино в
хмелящей всех строке,
Ни перед кем — от стара и до мала — твоя вина не
тяжела, Барно!

* * *

Мой лучший друг, от мук и бед мой исцелитель — книга,
Товарищ мыслей и бесед, мой наставитель — книга,
Наставник с самых юных лет и мой учитель — книга,
Дарящий сердцу блеск и свет мой утешитель — книга,
Кровь в венах тела, сердцевед, души зиждитель — книга.

Любая книга — дум исток, всех мыслей — суть-основа.
В одной — ученый смысл глубок, в ней — о науке слово,
В другой — неотвратимый рок описан образцово.
И в каждой книге — разный слог, но суть во всех толкова,
Во всякой книге — правды след, всему властитель —
книга.

Не четки шейха — к знаниям путь, нам книга —
назиданье:
«Живущий! Человеком будь, достойным сего званья,
Всю небыль выдумок забудь и лживые сказанья,
В одной лишь правде — смысл и суть и знания и
познания!»
Всезнающий мудрец-всевед и врач-целитель — книга.

Читающий — словно хмельной, сок мудрых истин
пьющий,
Душе — отрада и покой в строке, к любви зовущей.
От книг яснее разум твой — провидит день грядущий,
Он познаёт весь мир земной и тайны жизни сущей, —
Да светит тебе много лет твой просветитель — книга!

Как зернам знания расти в сознанье ясном, учит,
Как к своевольному пути быть непричастным, учит,
Как от мирской тщеты уйти — быть к ней бесстрастным,
учит,
Как силу воли обрести к делам прекрасным, учит
Дум человеческих и завет и вдохновитель — книга.

Откроешь ты страницы книг — и всё зардеет садом:
Весны сверкающий цветник прозришь ты светлым

взглядом,

И в сердце сразу свет проник — с тобою светоч рядом,
Все раны сердца сгинут вмиг, давая путь отрадам, —
Дарует душам вешний цвет их охранитель — книга.

Нет, наше время нам — не друг, — учиться знаниям
надо,

Читать, вникая в суть наук с большим старанием, надо,
Познать в стихах и смысл и звук с великим тщанием надо,
Подрезать корни всем вокруг дурным деяньям надо, —
Всем, кто несет наукам вред, враг и губитель — книга.

Среди читающих людей — мужей ученых много,
У просвещения — друзей, им увлеченных, много,
Разведчиков земли своей, ею возвращенных, много,
Наставников-учителей для угнетенных — много, —
И здесь, в стихах Барно, воспет наш друг-учитель —
книга.

* * *

Да светит свет судьбе моей — одной мечтой согрета
жизнь,

Как песня о судьбе людей, да будет мною спета жизнь!
Огня влюбленных душ сильней, да будет ярче света
жизнь,

Как чаша — наливай и пей — полна да будет эта жизнь,
Как свет немеркнущих лучей, будет полна расцвета
жизнь!

Луна! Сними с чела покров — и пусть весь мир вокруг
цветет.

Да будет каждый жив-здоров и, видя лунный круг,
цветет!

Пусть тот, кто мой услышит зов, — мой спутник и мой
друг цветет!
Нет, обо мне не надо слов, — пусть всё, как вешний луг,
цветет, —
Что я! От тех, кто всех умней, — от мудрых ждёт совета
жизнь.

Где у соперниц пир идет, — сиянье твоего чела,
Но там, где честь им и почет, мне не найдется и угла.
Служить тебе за годом год — о, эта доля мне светла,
Молила я твоих щедрот, но зло отвергнута была.
Не знать бы столь печальных дней, да будет радость:
это — жизнь.

Молю тебя: хотя бы раз бедняг несчастных пожалей, —
Тех, кто в твоих кудрях увяз — оковах властных,
пожалей,
Влачащих каждый день и час в мученьях страстных
пожалей,
Не обездоль ты бедных нас — своих подвластных
пожалей, —
Скитальцев, странников согрей, — у них ведь без
просвета жизнь.

Прости отверженных — они пусть в винный погребок
пойдут,
Ты чуждых от себя гони, чуждайся козней их и смут,
От их враждебной суетни оберегай хмельной приют,
И да не будет искони для бедняков тенёт и пут, —
Да будет легче и вольней для сыновей обета жизнь!

У Навои, лечась от мук, учила я любви урок,
Ища лекарство от разлук, бродила я, сбиваясь с ног.
Не смела я к тебе, мой друг, прийти в высокий твой чертог,
К безумцам я — в их тесный круг — пришла, и ум мой
изнемог.

Лекарства, лекарь, мне налей! Дождись лучей рассвета,
жизнь!

Будь милостив и пожалей: пришла на твой порог Барно,
Быть верною рабой твоей дано на вечный срок Барно.
Пожертвуй из своих кудрей хоть жалкий волосок Барно,
Свиданьем сердце обогрей — о, если б ты помог Барно!
С тобою вместе будет ей дороже самоцвета жизнь!

* * *

Друзья! К нам бедствием, чумой вдруг налетела саранча,
Заполонила Фергану — всю до предела — саранча,
На огородах и в садах все листья съела саранча,
Сожрала всякий злак в полях осатанело саранча, —
Всё, что ни есть, губя вокруг, на всех насела саранча.

И без земли, и без скота, и без семян всегда бедняк,
В безводных землях — маета, а где твоя вода, бедняк?
Бурда, пуста да не густа, — одна твоя еда, бедняк,
Влачишь ярмо ты неспроста тяжелого труда, бедняк, —
Присловьем «На беде нарыв» к тебе приспела саранча.

Коканд — земля проточных вод — ручьи и реки там
бурлят,

Хозяева ведут им счет: кто при воде, тот и богат.
Где бай, там и вода течет, обильна, словно водопад,
А бедных губит недород — бедняк подачкам баев рад,
Где нет воды за годом год, там то и дело — саранча.

А у властей свои дела — своя забава им мила,
Жизнь богатеев весела, у них утехам нет числа.
У бедных урожай дотла сгорел, и жизнь их тяжела,
Хоть плачь, хоть вон, в ответ — хула, и нет спасения от
зла, —

Как нам с ней быть, покуда съесть не всё успела саранча?

Эй, поднимись, батрак, восстань, всех бедняков вперед
веди,
На битву против бедствий грянь — бой против бед-
невзгод веди,
И в ночь и в утреннюю рань борьбу за годом год веди,
Защитою отчизне стань — бой, утирая пот, веди, —
Не жди, чтоб волею небес вдруг околела саранча.

«Судьба, такой нам дан удел», — нет, эта сказка не
нужна,
«Терпи, — мол, бог терпеть велел», — и эта выдумка
дурна.
Будь смелым для великих дел, сейчас лихие времена,
Кто кличет новый век — тот смел, Барно, и сила в нем
сильна, —
Погибнет, если против бед все встанут смело, саранча.

* * *

Душа — с тобой, родная Фергана,
Я на груди Коканда возвращена,
С тобою мне весь мир — словно весна,
Твой край — моя родная сторона,
Да будет здесь и смерть мне суждена.

Твой каждый миг стал мне навек родным,
Бурленьем твоих рек мой дух храним,
С тобою мы и бодрствуем и спим,
И стрелы вместе шлем врагам своим, —
Взрастила ты меня, о Фергана.

Навек твоя, тебе я — верный друг,
Твой ветер мне — спасение от мук,
Живой водою напоен твой луг,
Нет краше и нежнее твоих рук, —
Как матери, я, дочь, тебе верна.

Красой ты ярче солнца и луны,
Все верные — любви к тебе верны,
Но есть порок — есть подлецы, луны, —
Да будут они смяты, сметены, —
Живи в веках, родимая страна.

Любовь моя! Надейся: тьма уйдет,
Не вечны угнетенье, мрак и гнет,
Минуют дни страданий и невзгод,
Настанет и для радости черед, —
Взойдут, я верю, счастья семена.

И сложим мы стихи в часы бесед,
Придет свобода к нам — без мук и бед,
Споет один, споет другой поэт,
И стих Дильшод, я верю, будет спет, —
Не будет стонов в эти времена.

* * *

Весь мир огнем страданий опален,
От дымных стонов темен небосклон.
Терзают мою грудь и плач и стон,
Все плачут обо мне, весь мир смущен,
Дрожит земная твердь со всех сторон.

О Фергана, родная сторона,
Челом мрачна ты ныне и черна:
Днем радостей дневных ты лишена,
А ночью плачет по тебе весна, —
Нет нам с тобою счастья от времен.

Затмила туча солнечный твой лик,
Симург в когтях стервятника поник.
Увы, не всходит солнце ни на миг,
Дехкане стонут горше горемык,
И Андижан бедою полонен.

У баев спесь-гордыня велика —
Друг другу в расприх мнут они бока.
Ткут девушки цветастые шелка,
А жизнь у них, как черный день, тяжка, —
Кромешной тьмою Маргилан пленен.

Есть и разврат — поганый пёсий блуд,
И молодежь порой во власти смут,
Теперь и должных праздников не чтут.
Услышь мой стон, господь, сверши свой суд, —
Кожанд в пучину бедствий погружен.

Цветущими плодами край богат,
Да нужен сторож, стерегущий сад.
Дехкане вдоволь хлеба не едят,
На хлопкоробе — порванный халат,
А Наманган был славен испокон!

Хоть короток твой мухаммас, Барно,
Разумный да отыщет в нем зерно.
Читатель! Будет сил тебе дано —
Служи народу, будь с ним заодно, —
Ферганский край да будет возрожден!

* * *

Сколько выпало мне невзгод — не щадит меня рок
нисколько,
Мой целитель ко мне нейдет — он меня не берёт
нисколько,
Муки, беды — за годом год, а минут без тревог —
нисколько,
В одоленье моих забот мне никто не помог
нисколько,
Милосердия мне не шлет ни одна из дорог
нисколько.

Сколько я ни кричу навзрыд, мне с небес не пришла
пощада,
В сердце сгусток кровавый скрыт: мне любовь моя —
горше яда.
На заветный порог прийти — сердце было бы счастьем
радо,
Да соперницы на пути — одолеть мне их козни надо,
Но понять, где найти исход, мой рассудок не смог
нисколько.

Утру мрака не превозмочь — тьме ночей не быть
озаренной,
Войско, черное, словно ночь, месть готовит душе
влюбленной.
Это — войско твоих ресниц, колют пики и меч
востренный, —
Я дрожу, плачу, рухнув ниц, — жажду хмеля душой
спаленной, —
Войск врага не сломил восход — не алел мне восток
нисколько.

Мой любимый сокрыл чело — как не быть моему
злосчастью:
Свой обет он нарушил зло, сердце мне разорвал на части.
Слезы лью я, узнав ту весть, — злее ливня мое ненастье,
И соперниц лихая месть стала мне смертельной
напастью, —
Над влюбленными тяжкий гнет не бывал столь жесток
нисколько.

Пусть меня пощадит мой друг, пусть он меч свой упрячет
в ножны, —
Не нанес бы вреда вокруг он рукою неосторожной.
Пусть соперниц он судит сам, — да осудит он сброд
ничтожный, —

И я с радостью жизнь предаю моей участи безнадежной —
Может он быть другом щедрот, а другой бы не мог
нисколько.

Когда тайна всех моих бед разрешенье найдет, — не знаю,
Победит любовь или нет, и исчезнет ли гнет, — не знаю,
Отпадет ли прочь пелена с непорочных высот, — не знаю,
И когда свой покров луна от чела отведет, — не знаю, —
Яркий светоч горних высот мне, увы, не помог нисколько.

Стал бы прям кривой небосклон хоть разок для Барно
несчастной,
И прямые дороги он поберег для Барно несчастной,
Счастья праведный бы закон он предрек для Барно
несчастной,
Чтоб не стало в любви препон в скорый срок для Барно
несчастной,
И сокрыть Барно не влечет тайну этих вот строк
нисколько!

* * *

Жажду встречи с милым другом я, стаяя на рассвете,
Караван разлук и горя жду, грустна, я на рассвете.
Трон любви — мой трон: и властна, и сильна я на
рассвете,
Повелитель стран разлуки — лишь одна я на рассвете,
Войско сна я победила, и — без сна я на рассвете.

А приходит день — и снова, о несбыточном горя,
Лекаря об исцеленье мук страдальцы молю я,
На пути его, как нищий, безутешно слезы лью я
Силы покидают тело, горько мучусь я, тоскуя,
А вернусь в лачугу — маюсь я, больная, на рассвете.

Если бы меня проведаль он, в пиру хмельное пьющий,
Напоил бы не шербетом, а хотя бы горькой гущей,
Я, хмельная, так стенала б от досады, сердце жгущей,
Что от стонов моих ночью плакал бы весь люд
живущий, —

Так рыдаю, моим стоном сражена, я на рассвете.

Если к пиршеству призвал бы меня он, глава веселья,
Ввел бы в круг своих собратьев, дал бы место в своей
келье,

Виночерпню велел бы дать и мне хмельное зелье, —
Век столетний предрекла бы я ему за то похмелье,
И беспечно бы забылась я, хмельная, на рассвете.

Если бы друзья веселья снизошли ко мне, несчастной,
Ожили б сердца влюбленных, распрощавшись с мукой
страстной,
Виночерпий пир бы тешил своей песней сладкогласной,
И очам моим сиял бы юный лик его прекрасный, —
Вот о чем, Барно, в дастане петь должна я на рассвете.

* * *

Мне припомнился нынче вдруг детства мирный далекий
год:

Материнское молоко мне еще добрый рост дает,
Мирной жизни в родном краю — свой порядок и свой
черед,
Здесь для жизни есть все дары — все даяния всех щедрот,
Но негаданно вторгся враг — посягнул на нас вражий
сброд.

Лютым волком нагрязнул враг на богатства дворов и стад,
Главный вор — только с виду хан, а по сути злой
супостат,

Слово веры — в его тамге, а в деяньях — один разврат,
По обличью он — будто мудр, а в душе его — гниль
и смрад, —
Человечным деяньям чужд, враг повел себя словно скот.

В сердце недруга — зло и ложь, в речи — только вера
хвала,

Четки в хитрых его руках, да преступны его дела,
Не увидишь даже во сне им свершенного в яви зла,
От набегов и грабежей пыль столбом по дорогам шла, —
Где распутная правит власть, там и в людях — разлад-
разброд.

Вот и действуют всем во зло и неволят весь мирный
люди, —

Город, силой поправ, возьмут — воровской там затект
блуд,

Всех, кто есть там — и стар и мал, — иль ограбят или
убьют,

В своих станах едят и пьют, воду взяв из чужих запруд, —
Осаждают за градом град, сеют всюду вражду и гнет.

Словно стаи волков и лис нагло действуют всем во вред,
Дом за домом грабят: весь люд обездолен, разут-раздет,
От разнузданных палачей стар и млад — все во власти
бед,

Даже немощным старикам от насилья спасенья нет, —
В злыднях веры следа никто — даже малого — не
найдет...

* * *

Где розы розно все цветут, — какой же это сад?
Зачем влюбленные все врозь в огне разлук горят?
Вдали от розы как вдохнуть желанный аромат?
Ведь даже розы без шипов издалека извят.
Увы, неладно всё в любви: в ней лад — и то разлад.

А сад красив, где много кущ, и роз цветут ряды,
Где все бутоны веселы и красотой горды,
Где рядом зреют на ветвях душистые плоды,
Где воздух чист, где от ветров не ожидать беды,—
Не может быть подобный сад плодами не богат!

В саду бы общий пир созвать в благие времена,
Позвать тюльпаноликих дев, чья красота красна,
Фиалы розовым вином налить бы дополна,
Вражду соперников презрев, кутить, не зная сна,—
Любовь цвела бы в том саду, не ведая преград.

И цвел бы сад любви, трудом садовника согрет,
На ликах пышных роз кругом сиял бы вешний цвет,
И был бы прочен и любви и верности обет,
Встречал бы любящий любовь своей любви в ответ,—
Была бы красота всех лиц прекраснее стократ.

Сияла бы везде в саду вода голубизной,
И милый лик был отражен на глади водяной,—
Истек бы свет моих очей, как ливень проливной,
Покинул разум бы меня, протился б ум со мной,—
Лишь твоим светом, милый друг, был мрак бы мой чреват.

И да появится на свет дастан любви моей,
И да поет в моем саду урочный соловей,
Да соберет в саду любовь всех, кто подвластны ей,
Да прозвучит там ладный стих, Барно, среди ветвей,—
Что за беседа, если в ней стихи не прозвучат!

* * *

Рдела я свечой для мотылька, только он на свет огня не
глянул,
Как я жертвой пала в тьме ночной, друг мой и при свете
дня не глянул.

И на верность преданную он, равнодушный вид храня, не
глянул,
Он и на страдания мои, пыл души моей кляня, не глянул.
Я всмотрелась в мой бегущий век, только век мой на меня
не глянул.

Помнила всю жизнь я, что мой век — лихолетья
горестные лета,
И для блага Ферганы родной сколько песен было мною
спето!
Я до онеменья языка пела в исполнение обета —
Словно бы весь свет я обошла в поисках сияния и света, —
Я всмотрелась в мой бегущий век, только век мой на меня
не глянул.

Речи про коран ли, про ислам — ныне всё лишь показное,
право,
Всех заботит, как бы сытым быть, а не что-либо иное,
право.
Всё только для баев: богачи властвуют над всей страной,
право,
А бедняк несчастный — лишь молчи, удручен своей
«виною», право,
Я всмотрелась в мой бегущий век, только век мой на меня
не глянул.

К шейху ли известному пойти, жалуюсь на век наш
несусветный,
К баю ли богатому припасть с робкою мольбою
безответной,
Рухнуть ли во прах у его ног — принести ему протест
запретный
Или шейхам ревностно внимать с робостью покорно-
беззаветной?
Я всмотрелась в мой бегущий век, только век мой на меня
не глянул.

Истомилась я, о моя дочь, жалуясь на наше лихолетье, —
 Не рыдай, когда тебе невмочь, жалуясь на наше
лихолетье,
 Мук тебе, Дильшод, не превозмочь, жалуясь на наше
лихолетье,
 Плачу я, Барно, и день и ночь, жалуясь на наше
лихолетье, —
 Я всмотрелась в мой бегущий век, только век мой на меня
не глянул.

* * *

Ферганская земля — что сад по прелести природной:
 Здесь розы пышные цветут на почве плодородной,
 Народ веселый тут живет — открытый, благородный,
 И солнечный и лунный свет здесь светит беззаходный, —
 В раю, наверно, не найдешь земли столь превосходной!

Ручьи, сбегающие с гор, журчат-бурлят в долине,
 Бегут их воды в Сырдарью, текущую в равнине.
 Суметь бы воду обуздать — здесь чудо было бы ныне:
 Травой целебной бы цвели ожившие пустыни!
 Где тот мудрец, что оживит водою край безводный?

Привычно на родной земле шуметь ветрам веселым, —
 О, если бы свободу дать и городам и селам!
 А то повеет духотой по омертвелым долам,
 И люд не сможет путь закрыть ветрам ее тяжелым, —
 Когда же свежестью дохнет, привольной и свободной?

У нас базаров в городах и там и тут немало,
 И хлеб в торговых есть рядах — мешков и груд немало,
 Садов, что с самых давних лет везде цветут, немало,
 В горах сокровищ и богатств, и ценных руд немало,
 А проку нет — повсюду люд и нищий и голодный.

Разуты дети, старики и тощи и горбаты,
Как птахи малые худы и немощны ребята,
И в семьях, где живут трудом, — лишь голод да заплаты.
О, если б это зло, Барно, дыханьем сжечь могла ты —
Сожгла б, как божьею грозой, зло жизни безысходной!

МУХАММАС НА ГАЗЕЛЬ НАВОИ

У Анбар-атын уста горят, словно два рубина в
Бадахшане,
А зубов ее жемчужный ряд — будто перлы в море-океане,
А ее очей истомный взгляд — ярче и яснее всех сияний,
Красота ее красна стократ, пряди кос — амбры
благоуханней;
Если у свечи душистый чад, то свеча горит еще багряней.

В час, когда ты красоту чела скрыла от меня, как будто
тучей,
Мука безнадежности пришла на порог ко мне бедой
горючей,
Сердце мое гневом ты сожгла: видишь, уже дым исходит
жгучий!
Твоим стрелам не было числа — сердце сокрушил набег
могучий,
Но в краю, разрушенном дотла, всходам зреть дано и на
бурьяне!

Был твой гнев ко мне, увы, суров, и травить меня была ты
рада,
Гончей стае твоих лютых псов незнакомы милость и
пощада.
Только для соперников-врагов ты — и утешенье и услада.
Нет, на мне — не кровь, это — покров шелкового
райского наряда:

Жертве страсти, мне удел готов, словно павшему на поле
брани.

Без тебя от горя я поник — тешился лишь сном одним-
единым:
Среди роз цветущих и гвоздик красовалась гордым ты
павлином.
Ты сначала свой сокрыла лик, и стенал я стоном
соловьиным,
А потом пред всеми он возник, просияв над миром
властелином, —
Мое сердце ты сломила вмиг, очи мои — словно бы в
тумане.

Стрелами страданий и обид ты мне грудь терзаешь
издалёка,
Глянь мне в сердце: горем я убит, бесприютно мне и
одинокю.
Мое сердце — как пещерный скит для бежавших прочь от
козней рока.
Клад любви к тебе в душе зарыт, сердце мое губишь ты
жестоко, —
Так вот властелин раба казнит, клад свой утаившего от
дани.

Если ж бог желанный образ тот создал не таким уж и
прекрасным,
Если есть число и ведом счет всем, кто истомлен мученьем
страстным,
Если чудный лик Барно влечет, но не мучит гнетом
ежечасным,
Если, не изранен от невзгод, Навои не в горе ты ужасном,
Что же кровь из уст твоих течет, твоим стонам нет конца и
грани?

МУСАДДАС

Не зря татары говорят: «Наш покровитель — солнце».
Всем немощным скитальцам друг и наставитель —
солнце,
Всем слабым, стонущим от мук, врач-утешитель —
солнце,
Наставник сирых и сирот, их дел вершитель — солнце,
Радетель, друг среди невзгод, от бед спаситель — солнце,
Обета верности во всем друг-вдохновитель — солнце.

Когда-нибудь оно и мне поможет добрым делом,
Подарит мне свою любовь, как всем осиротелым,
Мрак темной хижины моей пронзит сияньем белым,
Кровь в моем сердце оживит, от горя онемелом, —
Помощник страждущим сердцам, их сил зиждитель —
солнце;
От всех страданий и невзгод освободитель — солнце.

Я ревностно рашу мой сад, чтоб стал он дивным садом,
Чтоб запах роз моих вдыхал мой друг со мною рядом,
И чтобы не было конца отрадам и уладам,
Чтоб солнцу грело бы сердца лучисто-добрым взглядом, -
Создатель радостей любви, ее властитель — солнце.
Дарует золото лучей в мою обитель солнце.

И зрели бы в саду плоды, красуясь ярким цветом,
И для потомков был бы сад — моей души приветом,
Он затмевал бы по ночам луну жемчужным светом,
А днем он радостно бы рдел сверкающим рассветом, —
Дарящий благодать садам их охранитель — солнце,
Творец и друг счастливых дней, их повелитель — солнце.

И ты, Барно, всегда в саду пиши свои творенья,
О радостях любви слагай в тиши свои творенья,
Даруй для исцеленья мук души свои творенья,

И к небу голубем послать спешу свои творенья, —
Да блещут они в мире всем, как исцелитель-солнце,
Да светят они правдой строк, как вседержитель —
солнце!

МУРАББА

Как бровей любимого изгиб, столь же будь прекрасной, о
луна,
Полумесяцам его медвяных уст красота небесная дана.
О ручей, теки к его дверям, влагою налейся до полна,
Уст его нектар в себя впитай, словно хмель багряного
вина.

Дерево, растущее в тени, молчаливо стоя у реки!
Нет предела росту твоему — что же ты поникло от тоски?
Ты еще взнесешься кроной ввысь — дни твои длинны и
далеки, —
Что же твоя гордая глава, как у ивы, вниз наклонена?

Горлинка, зовущая весну в кратких перелетах между
крыш!
Рада воркованью своему, и зимою прочь ты не летишь.
Лето ли сейчас или зима, я не знаю, но прошу, услышь:
Скоро будет теплая пора — сердцу птиц желанная весна.

* * *

Для людей земля сотворена,
И людьми украшена она.
Прежде и безлюдна и темна,
Вся она теперь людьми полна.

Красоту весны, бурление рек —
Всё на свете создал человек,
Слил он дни и ночи в долгий век,
Счетом он исчислил времена.

Что ни есть для жизни и труда —
Всякий скарб, жильё, питье, еда,
Нивы, пашни, сёла, города —
Человеком жизнь всему дана.

ТАДЖИКСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ГАЗЕЛИ

Истомившись в путях тела, о душа, ты воли хочешь,
Не в плену, а вольно, смело жить в привольном доле
хочешь.

Но ты — пленник, ты подвластна суетным оковам тела, —
Мучься же, хоть ты и страстно счастья, а не боли хочешь.

В клетке дни твои унылы, но терпи их со смиреньем
И молись: ведь ты, чтоб силы горе побороли, хочешь.

О, подумай, в чем причина, что одна душа бессильна?
Ты с наставником едино жить по мудрой воле хочешь.

Путник, следуй по дороге за всевидящим вожатым,
Если доброй ты подмоги своей вольной доле хочешь.

На его дороге верной обучись письму и слогу,
Если, ученик примерный, знаний ты поболе хочешь.

Ты узнал мои советы — будь, как и Дильшод, разумен,
Если и своей душе ты данной мне юдоли хочешь.

* * *

Ты ко мне, друг желанный, снизойди с добротой —
Чести жить твоей волей ты меня удостои.

Твои черные кудри ниспадают волнясь, —
Горе с сердца смету я их копною густой.

Свет любви моей светит, озаряя весь мир, —
Мне дана тайна власти над твоей красотой.

Красоты своей лунной от меня не таи, —
Твои брови — михраб мой для молитвы святой.

Красота твоя блещет выше горних небес, —
Стяг любви я вздымаю ровень с той высотой.

О мой друг милосердный, как верна я — взгляни, —
Жалко немощен стон мой, мукой мук налитой.

Стон Дильшод безысходен на пороге твоём —
Вся в слезах пала ниц я, сражена маемой.

РАЗГОВОР С ТЮЛЬПАНОМ

Я желтый тюльпан спросила: «Что значит твой желтый
цвет!»

«То ведомо лишь страдальцам, — услышала я в ответ, —

К чему вопрошать бездольных? Достойней, поверь,
смолчать.

Влюбленным сей мир — что стужа, их сердце во власти
бед».

«Скажи мне, — я вновь спросила, — а красный
тюльпан — твой брат?

В нем черная сердцевина, а ты желтизной одет!»

Тюльпан отвечал: «Он рдяный от крови, что сердце жжет,
А я пожелтел от муки, которой сильнее нет.

Тюльпанами мы зовемся, и оба горим огнем:
Но ярче, чем мука сердца, пылают красы расцвет.

И я потому с ним вместе в пустыне небытия,
Что людям люб красно-желтый без острых шипов букет!»

«Тюльпан, — я ему сказала, — на этот двойной вопрос,
Мне любы твои ответы — целебнее нет бесед.

Лишь тот, кто истинно любит, такие слова поймет, —
На трудной стезе исканий я свой обрету обет!»

В безвестной, Дильшод, пустыне тюльпан тебе в радость
дан, —
Да будет тебе уроком наказ его и завет.

* * *

Всё в открытой нам вселенной дышит вновь весною новой:
Воздух в ней — благословенный, он везде — иной и
новый.

Время — вспыхнуть новым силам, солнцу и луне
даримым:
Светит день иным светилом, ночь блестит луною новой.

Где теперь былая слава и Джейхуна и Сейхуна?
Всюду в долах, словно лава, бьют ручьи волною новой.

Горе правит женской долей, словно бы судьбой
сиротской, —
Но поверь: среди раздолий свет над всей страной —
новый.

И любовь иною стала, — только верность неизменна,
Радость уз земною стала, свет в очах — хмельной и
новый.

Нет теперь любви, даримой томной, безответной страстью,
Даже свет красы любимой ценится ценою новой.

Жаль, в печали безысходной ты, Барно, сей мир
покинешь, —
Только бы твой стих свободный прозвучал струною новой!

ГРАНАТ

Что за странный куполок?
В нем внутри сокрыт клубок.

А в клубке пылает жаром
Сонм румяных недотрог.

Не от мук ли и страданий
Жар их лица обволок?

А на лицах их — покровы
Шелковистых поволок.

По щекам течет багряно
Слёз рубиновых поток.

Я подумала: наверно,
Ядовит багряный сок,

Но Барно душистый запах
Тайну разгадать помог.

МУХАММАС

Все, как есть, милый друг, пленены тобой,
Только глянть — все вокруг сражены тобой,
Испытанья всех мук всем даны тобой,
Всем страданья разлук суждены тобой,
И цветет вешний луг в день весны — тобой.

И Лейле, и Зухре, да и всех не счесть,
И Барко, и Рано быть с тобою — честь,
Лестно всем соловьям с тобой рядом сесть,
Всем деревьям в садах тебя любо честь, —
Строен стан твой, и все смущены тобой.

В мире нет никого, кто тебя умней,
И, поверь, краше нет красоты твоей,
Как пушинка — твой стан, нет его нежней,
Ты — зеркало сердец, ясный свет очей, —
Все щедроты чудес вмещены тобой.

Всем поэтам, что есть, быть с тобой — почет,
Даже гуриям честь — снизойти с высот,
Лишь твоею красой живы все, Дильшод,
Твой смутительный взор всех сразит-убьет, —
Все нарциссы в саду сплошь хмельны тобой.

АНБАР-АТЫН

УЗБЕКСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ГАЗЕЛИ

Сей мир — как будто сеть тенёт тебе, Анбар-атын, —
Жить в доле бедствий и невзгод тебе, Анбар-атын.

В недобрый, в неурочный час пришла я в этот мир:
Дан колдовского рока гнет тебе, Анбар-атын.

Кто честен, прям и справедлив, тот погран и забит, —
Гнет недругов терпеть — черед тебе, Анбар-атын.

МОЯ ЖИЗНЬ

Отец мой, Фарманкул, — из Маргилана,
А мать, Ашурбиби, — дитя Кокана.

Они ткачи-кушачники простые,
Хлеб кукурузный ели постоянно.

«Сапожник — без сапог», — гласит присловье,
И был у них один — не два чапана.

Из-за нехваток дом не знал покоя, —
В семье раздоры были непрестанно.

Придет ли праздник — снова брань и ссоры:
Одежды нет — всё выношено, рвано.

И даже в праздник жертвоприношенья
Отец и мать всегда бранились рьяно.

Однажды, в день молитв, они расстались,
Продав весь скарб — от дома до казана.

Я и два брата с матерью остались,
Скитаясь-побираясь беспрестанно.

Мы с матерью по улицам скитались,
Отец ушел в предместья Маргилана.

Мать вышла замуж — в Бешкавак ушли мы,
Красильню муж держал — стоял у чана.

И сад был небольшой при доме мужа, —
Трудился на земле он неустанно.

Взрастил он и меня и моих братьев, —
Мы хлеб пшеничный ели невозбранно.

Мать семерых детей еще взрастила,
Была и в службе мужу безустанна.

В семью Захидходжи меня отдали —
Семейство хлебопека из Кокана.

Тогда он был и одинок и беден, —
С ним — только бабка, чуть не бездыханна.

Потом и без нее одни мы жили, —
Однообразно дни текли и странно.

Мне четверых детей судьба послала, —
Муминходжа ослушником стал рано.

Дочь Бибихан — мой друг, моя отрада,
Участлива, добра, в ней нет изъяна.

Как я слегла — она за мной ходила,
Лишь в ней была душе моей охрана.

Мой сын Усманходжа, послушный, кроткий,
Учился знаниям у Хайруллахана.

А дочь Аминахан, увы, скончалась, —
Нет счета мукам, и на сердце — рана.

Увы, друзья, поблек мой сад осенний,
Печальна я, и грусть моя безгранна.

И, плача, тайно я пишу газели, —
Чего ж мне ждать? Увы, судьба неожиданна.

Слова любви — для женщин утешенье,
Слагать газели — радость первожданна.

Я сколько переплетчика просила, —
Он мне тетради делал постоянно.

Быть может, меня добрым словом вспомнят, —
Да будет жизнь стихами осиянна!

* * *

О, услышь, милосердный, ты мой стон безысходный —
Зов молитвы усердной о печали народной.

В нашем доле прекрасном — реки Мавераннахра, —
Не суди же несчастным жить в долине бесплодной.

Ты даяний обильных бедным людям не даришь:
Сильный гонит бессильных в глубь пустыни безводной.

Бедняков и хозяев уравниал бы в дарах ты, —
Почему же для баев сей уклад — неугодный?

Пусть по праведной воле делят всё, — отчего же
Бай берет по три доли, и лишь долю — голодный?

Смрадны ада дороги — упаси от них, боже, —
У Анбар в райском слогe — аромат благородный.

* * *

Нет, не ладьтесь к моим недугам, пойте, женщины
Ферганы, —
Вам трудиться под стать мужчинам, бодры духом вы и
сильны.

Вкруг меня мотыльками вьетесь, радость дружбы своей
даря,
Любо слушать вам пенье песен под звучанье моей струны.

Только, видно, теперь не хочет отступитья от тела хворь,
Чаша жизни пенится влагой, ей пределы чаши тесны.

Нет, подруги, мне полегло, отпустил меня злой недуг:
Мы сегодня свиделись с вами, — хворь достойна такой
цены.

А когда через край прольется чаша жизни моей, друзья,
Спойте людям мои газели, чтобы были всюду слышны.

Да вовек не иссякнет в розах аромат газелей Анбар,
Да цветут подруги улыбкой, как бутоны в тепле весны.

* * *

С недостойными глупцами не водись, о друг, — смотри,
Лучше счастья дожидайся, не пленяйся вдруг, — смотри.

Кто не думает о людях, сам собою упоен,
От таких людей бесстыжих и не жди послуг, — смотри!

Если вас наукой манят, чуждой благу и любви,
Лучше быть всегда подальше от таких «наук», — смотри.

Кто не служит в пользу людям и людскому благу чужд,
Не смотри на них и с ними не дели досуг, — смотри.

Если грянут в звонкий бубен, в пестрый круг Анбар маня,
Не люби, пока не любят, не сгорай от мук, — смотри!

* * *

Не тронь его — пускай поспит, покуда не блеснет заря,
Пусть колыбель его хранит — еще таит восход заря.

Покуда сон его глубок, во тьме без сна мы посидим, —
Ему еще и невдомек, что всходит в свой черед заря.

Он еще мал и несмышлен — не надо объяснять ему,
Что разумом развеет сон, когда в лучах взойдет заря.

И пусть наш взор пока согрет лишь бледным отблеском
луны, —
До солнца льет лишь тусклый свет на звездный небосвод
заря.

* * *

О, если бы повсюду в мире дул ветер, приносящий мир,
Легли б сады всемирной шири дорогою, дарящей мир.

И, словно светоч солнцеликий, сверкали б яркие лучи,
И рдели бы людские лики при взгляде на манящий мир.

На землю русских приносили беду французские войска,
Но был наградой правой силе, деснице, грозно
мстящей, — мир.

Теперь повергла воровато весь мир Германия в войну,
Но сила сломит супостата, добудет настоящий мир.

Захватчики войной неправой, не зная устали, грозят,
Но, верю, сладит с их оравой, и гнусной и пропащей, мир.

Анбар, не стой в сторонке сирот: певучею струей стиха
Пускай вливает в море мира и твой ручей журчащий —
мир.

* * *

Хуже смерти — злой и склочный: он всегда лукав,
жесток,
Сладок речью непорочной — только его нрав жесток.

Он и гнусный и бесстыжий — враг поверженных людей:
Всех обдаст он грязной жижей и гнетет, поправ, жесток.

С тем, кто жизнь проводит в ссорах, не беседуй, не дружи:
Он в делах и разговорах, словно волкодав, жесток.

Чужака, хоть из хваленых, прочь гоните от себя:
С виду он — словно ягненок, но, как волк, кровав, жесток.

Он повадкой лицемерной, словно шейх, благочестив,
А по сути — злой и скверный и всегда неправ, жесток.

О Анбар, грози расправой всей жестокости людской,
И да будет гнев твой правый злее всех расправ жесток!

* * *

Обновит бедный край мой счастливых потомков чреда,
В разоренных просторах да станут цвести города.

Школы — детища знаний откроются всюду, везде,
Будет новая смена богатством ученья горда.

В реках встанут запруды, безлюдная степь оживет,
Сельский люд от безводья вовек не познает вреда.

Будет женщинам чуждо моею печалью стенать, —
Создадут они песни и будут их петь без стыда.

Увайси — моя бабка в оковах влачила свой век,
Ее счастье в Коканде развеялось в прах без следа.

В Маргилане отец мой томился вдали от родни,
Дед в разлуке с сестрою рыдал, отлучен от гнезда.

Верю: время наступит и радость все семьи найдут,
Будут счастливы жёны судьбою потомства всегда.

Жаль, Анбар не увидит, как светел и счастлив тот мир, —
О, как небо сурово, и как быстротечны года!

* * *

Мне безразличны спесь твоя и глупый твой упрек,
ханжа, —
Вовек не видывала я, чтоб был ты нравом строг, ханжа.

Мне ведомо: сей живоглот притворно лишь поклоны бьет:
При людях тих, но ест и пьет, засев в свой уголок, ханжа.

Лишь глянут на него — тотчас зашепчет, четки теребя,
Но только людям напоказ смиренен и убог ханжа.

Нет, видно, правды не найдешь: его дела достойны кар,
Но даже верующим ложь за правду выдать смог ханжа.

Пыланьем адского огня несчастных не пугай, о шейх:
Сам бес, — то ясно для меня, — и дьявольский порок —
ханжа.

Я знаю, почему, ханжа, ты за стихи коришь Анбар:
Нет для тебя острее ножа, чем жало этих строк, ханжа.

* * *

Когда же гость души моей в мой сад цветущий явится,
Когда же к розе соловей, его столь ждущей, явится?

Когда же будет осиян дом моих бед и горестей?
Я верю: в темный мой чулан мой светоч жгущий явится.

Мне мой чулан — пустыня мук, а мог быть роцей
вешнею, —
Всегда жестокий плен разлук могилой сущей явится!

Но знаю, будет озарен цветник мой светом радости:
Свет — Надирую всех времен, ко мне идущей, явится.

За ней поэты поспешат гостями долгожданнами,
И звучных строк звенящий лад, со мной поющий, явится.

Поля и доли зацветут пунцовыми тюльпанами,
И молодой, веселый люд меж вешних кущей явится.

И благовонный стих Анбар собравшихся возрадует —
Он снадобьем от лютых чар тоски гнетущей явится.

* * *

Зима уйдет, растает лед, всё цвeсть весной станeт,
Вся жизнь по-новому пойдeт — земля иною станeт.

И черных туч лихую кладь на землю сбросит небо,
И в светлом сердце все сиять голубизною станeт.

И вороны уж не сдерут покров с зеленых пашен,
И драгоценный изумруд травой земною станeт.

Извечно юным девам люб навруз — веселый праздник,
Весь луг, как цвет их алых губ, подобен зною станeт.

А будут щедры небеса и ниспошлют им счастье —
За это девичья краса доброй ценою станeт.

Пусть юным девам для их нег Анбар стихами служит,
И пусть дарована навек им радость мною станeт.

* * *

В ту школу, что Хайруллахан открыл, ступайте смело,
О дети, вот пример вам дан: учиться — ваше дело.

Не на полу там все сидят, а на удобных партах,
На каждом — новенький наряд, кругом всё чисто, бело.

На языке отцов урок обучит вас наукам,
Чтоб знания эти в нужный срок употребить умело.

Учитесь! Будет пыл горяч и прилежанье строго —
Вам в жизни на пути удач не будет и предела.

Пусть от родительских забот вам будет вспоможенье,
А бог поможет вам — волеет здоровье в ваше тело.

Вас дома в школу соберут заботливой рукою,
Чтоб юность, словно изумруд, в саду цвела и зрела.

Свободы, знаний щедрый дар да будет с вами, дети,
И благовонный стих Анбар вы спойте с нею смело.

О ХАДЖИ АЛИМДЖАНЕ

Обучившись знаниям когда-то, умником отменным
стал хаджи —

Он ходил, держась смиренно-свято, мудрецом степенным
стал хаджи.

А потом он стал копить достатки — наживал,
припрятывал, берёг, —
Что ж твои поступки стали гадки, что же ты презренным
стал, хаджи?

Денег подкупив и став богатым, в хадж ходил он
ко святым местам,
А придя назад к своим палатам, важным и надменным
стал хаджи.

Праведником он прослыл хваленым, ну а был
развратно-похотлив —
То и дело приставал он к женам и совсем растленным
стал хаджи.

Преданный своим грехам лукавым покаянно он
поклоны бил
И считал себя святым и правым — напоказ смиренным
стал хаджи.

О смиренье праведном с любовью он при всех охотно
говорил,
И привык он лгать, и в суесловье прямо вдохновенным
стал хаджи.

Не внимайте, люди, разговорам вот таких
обманщиков-лгунов, —
Другом разным жуликам и ворам самым откровенным —
стал хаджи.

Погребенным у святой Каабы хочет он в святую землю
лечь!
Если б сделать ты, Анбар, могла бы, чтоб скорее тленным
стал хаджи!

* * *

Белый гусь, летящий в стае ввысь,
Предо мной бумагой расстелись!

Крылья распластай по всей земле, —
Им бы на краях земли сойтись!

Боль души на крыльях напишу, —
Ты к нему — по ком горюю — мчись!

Да на сердце столько мук, что им
На гусиных крыльях не взнестись.

Если б мой избранник стонам внял,
Я ковер постлала бы, — вернись!

Я гостей-поэтов созову,
Чтобы песни в честь тебя лились.

Только бы ты внял моей любви, —
Мне терпеньем надо запастись.

Льется благовонный стих Анбар:
«Меж людьми избранником зовись!»

* * *

Я у вас прошу защиты: вам, Фуркат, поможет русский, —
Пусть и мне в смиренной просьбе, словно брат, поможет
русский.

Что ж, пришел — пришел во благо, пусть он новшества
заводит
Школы новые построить для ребят поможет русский.

Он сулил простому люду всё, что надобно, уладить, —
Пусть же будет верен слову — чем богат, поможет
русский.

Я о докторях слыхала и подмоге русских рада:
Мне от хворей излечиться без затрат — поможет русский.

Видно, ноги клятву дали не пускать меня из дома, —
Чтоб скорее излечение шло на лад, поможет русский.

Мне невмочь уже лечиться зельем знахарской отравы, —
Дать мне снадобье в аптеке, а не яд — поможет русский.

О друзья, нет сил мне зябнуть у остывшего сандала, —
В моем доме печь построить, говорят, поможет русский.

И купить кровати детям — Амине, Биби, Усману —
Пусть они, в уюте нежась, мирно спят! — поможет
русский.

Пусть старухи молодятся, укрываясь паранджою,
Юным стих Анбар — что мускус, им стократ поможет
русский.

* * *

Думаю о светлой я поре, что другим годинам не чета,
О стране, которая красой всем земным долинам не чета.

О пустынях, где простор степей расцветет, как вешние
луга,
О садах, которым все сады даже и помином не чета.

Там богатства, скрытые в горах, просятся:

«Возьмите нас себе!»

И ручьи там — падающим с гор водяным лавинам
не чета.

Шахи-повелители тех дней — Искандеру, Дарию сродни,
Пестунам сегодняшней поры, нашим властелинам
не чета!

Что там слава сказочных волков, будто бы спасающих
овец!

Благодатный мир грядущих лет никаким личинам
не чета.

Слагайте же, Ками, стихи без суесловья слов, —
До Каф-горы, как у Мухи, ваш слог дойти готов.

Идя за Хазини вослед, похвал не обретешь:
Поэтом хочешь быть — свой бред умерь-ка, пустослов!

А взялись вы стихи писать — пишете про народ, —
Лишь сильных мира восхвалять — пустой расход стихов.

Как, поразмыслите, живет в страде простой народ,
И как двойной он терпит гнет под тяжестью оков.

А если лишь хвалу и лесть писала б я, как вы,
Газелей было бы не счесть — наверно, сто мешков!

Завки, Шавки и Мукими да будут вам в пример:
Жить надо заодно с людьми, — завет Анбар таков.

* * *

Гуманль и Бешкавак — чудо что за кишлаки,
От Коканда — шаг да шаг — к ним пути недалеки.

Всюду здесь сады — не глушь, хлопок на полях богат,
Наживают баи куш, а мозоли — бедняки.

Только все сады подряд пусты нынешней весной, —
Птицы к кущам не летят всем законам вопреки.

О садовник, если б ты сделал птицам дом и кров,
В зорях вешней красоты были б песни их легки!

Где садовник зол и плох, саду не поможет рок:
Не плоды — чертополох выпускает в нем ростки.

Раньше бай один был зол — еще можно было жить,
А теперь — другой пришел, стали распри их тяжки.

Рая сладкий аромат от стихов Анбар пахнёт —
И цветет весною сад, соловьям — не знать тоски.

* * *

Что мне, время, на тебя глядеть, — лучше ты на облик
мой взгляни!
Время зимних стуж прошло, и впредь будет все цвести
весной, — взгляни.

Неизменно я тебя люблю, словно дорогого гостя жду,
Но уже не плачу, не скорблю, жду тебя — побудь со мной,
взгляни.

Пóлно жизнь в крошечной тьме вести — рушит темнота
надежды свет, —
Ярким солнцем очи освети — на его палящий зной
взгляни.

Сумрачно в твоей лачуге бед, солнцем твой приют
не озарен, —
На окошко, где лучится свет, ты хотя бы стороной
взгляни.

Знаю я, что твой удел жесток, только что же сделать
я могу?
Путь к счастливой доле мне далек, одиноко мне
одной, — взгляни.

А когда взойдет моя звезда, птица счастья надо мной
взлетит,
И Анбар воспрянет, — вот тогда ты на сад мой неземной
взгляни.

* * *

Если я умру, о братья замуж дочь мою отдайте,
В чуждую сутягам-баям честную семью отдайте.

Дочь мою, мою бедняжку, потерявшую опору,
Мужу, что привык к заботе, к умному житью, отдайте.

Да такому, что на слабых не срывает зло обиды,
Кто не тронет бранным словом жизнь и честь ничью,
отдайте.

А умру — не надо плакать, и от савана остатки,
В красный цвет окрасив, людям — флаг нести
в строю — отдайте.

Сына моего сиротством, горьким хлебом не унижьте, —
Мудрецу, который мудрость даст ему свою, отдайте.

О Анбар, да будут дети, как отец, всю жизнь трудиться, —
Их — благоуханью пастбищ, вольному жнивью отдайте!

* * *

Вот наш тысяцкий — Амил, грязный, шелудивый,
Ум его, как волос, хил в голове плешивой.

И следа познаний нет за душой невежды, —
Речь его — нелепый бред, а язык — гугнивый.

Пустьит деньги в оборот и возьмет с лихвою:
Кучи денег он гребет и живет наживой.

А когда к нему придут бедняки с мольбою,
Он стращает их, надут важностью спесивой.

С жалобой к властям пойдут — тоже бесполезно:
Там Медынский есть, он — плут, гнусный и чванливый.

Неимущим нет житья — некуда податься:
Волостной или судья — той же масти лживой.

Те — евангелие чтут, эти — свод корана,
В разных верах — общий суд, равно нечестивый.

О калям мой, правду режь, пусть текут чернила, —
Измарай скорее плешь головы паршивой.

* * *

Если ты поэт по праву, в состязаньях смелым будь,
К Хазини, в его ораву как пойдешь — умелым будь.

Если же тебя при этом в чем-нибудь и упрекнут,
Посрами их всех ответом, не страшась врагов ничуть.

Служба господу — отрада, если дорог тебе рай, —
Стоит ли бояться ада, избирая правый путь?

Если служишь ты народу, честен будь и сердцем прям,
Смело лезь в огонь и в воду — только правду раздобудь.

Кто печалью людскими заодно с людьми живет,
Будь всегда совместно с ними, к ним всегда старайся
льнуть.

Ну а ежели учитель тебе нужен, о Анбар,
Навон — твой наставитель, — сей завет не позабудь.

ДОБРОЙ ЕКАТЕРИНЕ

Сестрица, ты — мой верный друг, душой таиться не
стремись,
Узбеков чуждыми считать ведь не годится, —
не стремись.

Ты — русская, и прям твой нрав, ты человечна и добра,
Не огорчай меня, прошу, — в себе сокрыться не стремись.

И если дома у себя сидишь за чистым ты столом,
«Такой уклад — только у нас», — сказать, сестрица,
не стремись.

Свобода, воля нам нужны, отсталость наша — хуже пут,
Считать нас дикими нельзя, — в том убедиться не
стремись.

Рождал ученых наш народ, науки ведомы и нам,
Знай это, в правде этих слов ты усомниться не стремись.

Вдохнет и мусульманский люд всё благовонье строк
Анбар, —
Считать, что доброта твоя мне не согдится, не стремись.

* * *

Слагайте песни, Муками, в часы мужских бесед, —
Для женских песен наречен обычаем запрет.

Ведь лучше женщин, говорят, бог сотворил мужчин, —
Пусть ваши песни чтут и вас, а к нам почтенья нет!

Но если вправду вас корят за непокорный нрав,
Отмстите тем, кто избрел такой закон-навет.

Вам любо правду говорить лъстецам наперекор, —
Настанет время — ваша речь познает высь побед!

Перо, бумага — мне друзья в затворной тишине,
Но день придет — найдут тетрадь, и стих мой будет спет.

Мне хоть бы в семь десятков лет увидеть этот день!
А погребут Анбар — ну что ж: дана ей доля бед!

* * *

О, как я долго жду, — приди, мой друг прекрасный, —
Проведай, расспроси, побудь со мной, злосчастной.

Увы, я всем чужда, покинута, забыта, —
Приди, ты всех добрей, о друг мой сладкогласный.

Взгляни и освети мой дом печально-темный, —
Мне сердце озарит твой взор лучисто-ясный.

Всю жизнь я прожила, лишь о тебе тоскуя, —
Наступит ли просвет в моей тоске всечасной?

Кумыс мой, не испит, стал весь зловеще-черным, —
Что приключилось с ним? — скажи, мудрец всевластный.

Я выпью мой кумыс, — лишь бы тебя дожждаться, —
Уж послан у Анбар тебе ковер атласный.

* * *

Увижу гибнущих птенцов — и сердца сжатый ком я
вспомню,
Узрю в глуши я гнёзда сов — и мой унылый дом я
вспомню.

Едва узрит мой скорбный взгляд веселья праздного
чертоги
И свет сверкающих палат — о люде, мне родном,
я вспомню.

Едва увижу я глупца; по виду схожего с муллою, —
И подлинного мудреца, разумного умом, я вспомню.

Увижу строгих истин свод, гласящих, что — грешно,
что — свято, —
О том, что с правдой мой народ поныне незнаком,
я вспомню.

И если стон в устах моих и слаб, и не достигнет цели,
Анбар благоуханный стих, что слаще всех истом,
я вспомню.

* * *

Кто, забрав все божьи блага, их себе припас, да сгинет,
Кто законов шариата позабыл наказ, да сгинет!

Кто на женщину клеветет: «Волос длинный,
ум короткий»,
Тот, словно петух кичливый, что в дерьме увяз, да сгинет.

Кто забыл об Улугбеке, Абу-Сине, тот — невежда, —
Сам себя превозносивший хоть единый раз — да сгинет.

Повторяй это слово, сын мой, сделать думой его сумеи,
Послужи своему народу и отчизне мудрой своей,
О беде и благе народа как о близком, своем радей,
Знай и верь, что в грядущем счастье станет долею всех
людей, —

Эту веру твою воспримут поколенья грядущих лет!

Укрепи этой думой сердце, будь с калямом всегда, везде,
Речь веди с разуменьем дела, помышляй о людской
страде,

И слагай стихи неустанно, передышки не знай в труде,
Всё правдиво поведай миру — о любой печали-беде, —
Чтобы чтили твои заветы, кто придет за тобой вослед.

С чистым сердцем иди к поэтам, их достойным собратом
будь,

Пусть перо твое будет острым, сам — делами богатым
будь,

Утешай всех людей, опорой их невздам-утратам будь,
Будь с людьми, среди гуц народа — как глашатай добра
там будь,

Пусть далеким потомком будет твой зачин до конца
допет!

Я теперь на бумаге сею, словно жемчуг, слов семена,
Будет время — увидят люди, что таит моих слов казна!
Путы бедствий с моих потомков будут сброшены все,
сполна,

И отпустят мне грех мой тяжкий — тот, что женщина я,
жена,

И признают в женщине храбрость, для которой пределов
нет.

Эй, Анбар, помолчи немного, понапрасну речей не трать,
До поры сдержи эти речи, их не время теперь писать,

«Те»

Трудись, чтоб у людей снискать почет,
И слава в двух мирах к тебе придет.

Ленивый терпит тысячи невзгод,
И не воздаст хвалы ему народ.

«Джим»

Властители берут с людей налог,
Но право — справедливости залог.

Кто к людям состраданием объят,
Его слова для них — бесценный клад.

Где утверждает право властелин,
Там люди все спокойны, как один.

«Хе»

Печалилась всегда я на заре,
День бедствий поджидая на заре.

Но я надеюсь, что когда-нибудь
Стране моей отраден будет путь.

«Ха»

В сей жизни нам от козней рока горько,
Страданья нас гнетут жестоко, горько.

«Даль»

История — от предков нам завет,
Урок потомкам от ушедших лет.

Все бедняки сейчас во власти бед,
Но их потомков озарит рассвет.

Бывало всё в веках — добро и вред, —
Предугадать их — точных правил нет.

«Заль»

Не мудрость книжная, не разговор пустой,
Судьба народа — вот наставник мой.

Для умных лишь умен бумажный лист,
Знавал и гнет времен бумажный лист.

«Ре»

Сам человек — своей судьбе подмога:
Людей, судьбу творивших, было много.

Твоя же жизнь — стезя твоих исканий,
А не какой-то свод потухших знаний.

Неумный труд не создает жемчужин,
Бесплодный разум с жемчугом не дружен.

Кто людям портил жизнь упрямством злостным,
Не будет в двух мирах победоносным.

В веках течет печально Сыр бескрайный,
Лишь избранным свои вверяя тайны.

«Зе»

Кто просвещение чтит, как верный друг,
Того возвысит знание наук.

Служи народу, в службе верным будь
И с честью одолей сей верный путь.

«Син»

Нет правды во властителях держав:
Меж них и правый — нарушитель прав.

Да внемлет тот, кто зол или неправ:
Придет и светлый век, всё зло поправ.

Несовместимы злой и добрый нрав:
Зол только тот, кто гнусен и лукав.

Кто сам себе придумал свой устав,
Сгорит в огне, гордыне волю дав.

«Шин»

Душа моя сжимается от боли:
Зачем все души — словно бы в неволе?

Властитель, что гнетет людей всё боле,
Сам свое сердце ранит поневоле.

Ведущий войско силой злобной воли
Познает кару собственной недоли.

«Сод»

В сказаньях древних сила рока зрима:
И в сладкой жизни смерть неотвратима.

И кто в Нимруде видит побратима,
Сам станет жертвой мести Ибрахима.

«Зод»

Стране от гнета пользы не прибудет,
Лишь луч зари от спячки солнце будит.

Судье вовеки прибыли не будет,
Пока истцу прибытка не присудит.

«Та»

Мой стих — с людьми, с их долею тревожной,
И это путь правдивый, а не ложный.

Но он — в горах, в пустыне бездорожной,
И надо мне быть очень осторожной.

«За»

Взята из книг, а не звучит толково
Речь проповеди — слово пустослова.

Доходно, если благородно, слово,
А злое людям негодно слово.

«Айн»

Светлее добрых дел иной науки нет,
Лишь тот прекрасен лик, чей пыл умом согрет.

От русских воссиял над нашим краем свет,
От них наш ум познал, мы это знаем, свет.

«Гайн»

Владею я оружием точеным
И факелом, дарящим свет пламёнам.

Оружье служит для врагов заслоном,
А яркий свет слепит глаза воронам.

«Фе»

Как жемчуг, перлы знания чудесны, —
Глушцы, их поносящие, бесчестны.

Все славословья проповедей пресны:
Живая жизнь и вера несовместны.

«Каф»

Всегда в союзе разум, жизнь и труд, —
Двуличный шейх, не сей меж ними смут.

Хотя порой и сломлен горем люд,
Он сердцем чист, душою он не худ.

Смиранный с виду шейх и зол и лют:
Он всеу славит бога, словоблуд.

«Кяф»

Будь человечным, чистым и сердечным,
Не будь двуличным, черствым и беспечным.

Страстям не предавайся быстротечным,
Будь предан жизни, помышляй о вечном.

Ты — человек, — в раденье безупречном
Всегда с людьми будь добрым, человечным.

«Лям»

Бери пример с достойных каждый миг,
Служи им верно — будешь ты велик.

Кто радости усердия постиг,
Тот холит благодарности цветник.

**И если стих твой — ценных слов рудник,
Всегда цветущим твой пребудет лик.**

**Кто к суесловной речи не привык,
Богата его речь — родной язык.**

«Мим»

**У буквы «мим» — почтительный поклон,
Но не от страха стан ее склонен.**

**Учтивость — человечности закон,
Он лишь скотам неведом испокон.**

**Кто скромн, да отыщет себе он
Благой удел, от скверны отрешен.**

«Нун»

**У буквы «нун» — как у вселенной вид:
Скрытый смысл наук она хранит.**

**Лишь до поры надменный небосвод
Своих скрытых тайн не выдает.**

**Из шелка знаний спей себе наряд
И людям объясни всех тайн уклад.**

**Покаяться в незнании — не стыд, —
Спеш, не то душа твоя сгорит.**

«Вав»

**Кто человекен, тот умом высок,
И нравом он всегда во всем высок.**

**Кто мир познал, тот сам себе помог,
Кто сердцем чист, тот и умом глубок.**

Ученье — добродетелей залог,
Путь знания — нужнее всех дорог.

Не пестуй в себе хитрости порок:
Свершать добро — вот самый хитрый прок.

«Хей»

Взамен «алифа» пишут «хей» порой, —
Мне ж люб в словах и буквах точный строй:

Когда ж наступит день таких времен,
Чтоб женщинам был чужд и плач и стон?

Когда же счастьем матерей и жен
Гнет рабской доли будет сокрушен?

За что нам от судьбы такой урон,
Что беды нас теснят со всех сторон?

«Ие»

У буквы сей двояк извив и звук,
Порой она изогнута, как лук.

Когда б цвели у нас ростки наук,
Всем нашим бедам был бы верный друг.

Послал бы счастье женщинам сам бог —
Зардел бы ярким светом весь восток.

Услышь, аллах, и стон Анбар и крик, —
Со мной стенают сонмы горемык.

Моим словам, глубокий смысл несущим,
Свершение наступит лишь в грядущем.

Красивый к красоте влечется сердцем,
Люб мудрецу мудрец-всевед — бумага.

Чужда дурного, я к добру влекома,
И верный друг моих бесед — бумага.

Владенья рук моих, увы, мне тесны, —
Мне дарит ширь — ей равных нет! — бумага.

Когда пишу я о моих печалях,
Быть рада другом моих бед бумага.

О, если бы мечта Аябар свершилась —
Быть чистой, как твой белый цвет, бумага!

* * *

Пусть мой напев звучит — возьму я в руки саз,
Под звон сердечных струн сложу газель для вас.

О родине спою — пусть вдале летит мой зов, —
Все шесть сторон земли мой да услышат глас!

И внемлющий поймет мой сладостный напев, —
О том же и свой стих он сложит в добрый час.

Познавший суть любви лишь про любовь поет, —
Что вечность для того, в ком пыл любви не гас!

Где верность и союз — там тайна двух миров:
Страной, где верность чтут, два шаха правят враз.

Всё сущее везде чтит верность и любовь, —
Все люди в двух мирах о них слагают сказ.

Аябар, ты в жемчуг слов бесценный смысл вложи,
Чтоб не был слышен крик клеветников-пролаз.

* * *

Учиться благо мне дано моей наставницей Барно,
Парить ей в высях суждено — моей наставнице Барно.

Хоть не малы ее года, она стройна и молода,
В делах — смела, в словах — горда моя наставница
Барно.

Из Истравшана ее род, Коканд — и кров ей и оплот,
В кругу поэтов ей почет — моей наставнице Барно.

Она — живой воды живей, а полумесяцы бровей
Свет красоты даруют ей — моей наставнице Барно.

Добрейшая из матерей, опора юных дочерей,
В речах — всех книг она мудрей, моя наставница Барно.

А взор ее — что самоцвет, и кос черней не видел свет, —
Людей на свете лучше нет моей наставницы Барно.

Ей дан поэта редкий дар, ей внимлют все — и млад и стар:
Примером служит для Анбар моя наставница Барно!

* * *

Восславлена в стихах, воспета, родная Фергана
прекрасна,
В стихах не одного поэта хвала ей воздана прекрасно.

Коканд, овеян славой вечной, — родной земли и честь и
слава,
Гостеприимный он, сердечный, вся эта сторона прекрасна.

А Маргилан — краса вселенной, как мать, он обо всех
печется,
Шелк для одежды несравненной дает он, и она прекрасна.

Богаты в своей тучной силе поля и пашни Андижана,
Здесь хлеб пекли, плоды растили в любые времена
прекрасно.

И вновь скажу я вам правдиво о громкой славе
Намангана, —
Здесь яблоки, гранаты — диво и зреют докрасна
прекрасно.

Для плова расписные блюда привозят к нам из Рашидана,
Изделия гончаров здесь — чудо, посуда тут славна,
прекрасна.

Анбар поет всё с той же целью — восславить родину,
отчизну, —
Да будет каждою газелью она восхвалена прекрасно.

* * *

Русоволосая сестра, добро пожаловать тебе,
Ты милovidна и добра, — добро пожаловать тебе.

Голубоглаза, хороша, ты знаешь счастье смелых дел,
Ты в рассуждениях мудра, — добро пожаловать тебе.

Ты белолица и стройна, твои уста прекрасней роз,
Ты весела, смела, бодра, — добро пожаловать тебе.

Тебе бы нашу речь постичь! Вдвоем беседа с тобой,
Мы б говорили до утра, — добро пожаловать тебе.

Да, день придет — воспрянем мы, и к свету мы направим шаг,
Изыдем из крошечной тьмы и одолеем гнет и мрак,
Станут пути наши прямы, неожиданно явится вожак,
Найдутся светлые умы, провидящие тайну благ,
Но как узнать, где солнца свет, и к нам откуда он придет?

Счастливицы, баловни судьбы вкушают терпкий вкус вина,
Жить ради сладостных утех им радость светлая дана,
С красавицами веселясь, они фиалы пьют до дна.
И если трудовая голь рыдает, счастья лишена,
Она не ведает, что свет через любой заслон придет.

Одни лишь шейхи в цветнике вдыхают запах роз теперь,
И есть надежный страж в саду, который здесь возрос,
теперь.
Не знают шейховых щедрот лишь те, кто нищ и бос
теперь,
Всё в жизни отнято у них, дана им доля слёз теперь,
Но даже и к тому, кто пьян, прозренья через сон придет!

Доколе родине страдать, невежды, от обид-угроз,
Доколе женщин и детей мы не спасем от горьких слёз?
И что об этом глас мужей, хранящих веру, произнес?
Да скажет вам Анбарнисо и свой ответ на сей вопрос:
Ответ от тех, кто гнетом мук забит и сокрушен, придет!

КОММЕНТАРИИ

- Анбар — женское имя, имеет значение — амбра. Поэтесса называет свой стих «благоуханным», «благовонным» и т. д.
- Газель — лирическое стихотворение, главным образом любовного содержания, написанное бейтами (двустихиями), связанными одной рифмой.
- Дарий — иранский царь (522—486 гг. до н. э.).
- Джейхун — старое арабское название Амударьи.
- Завки — (1853—1921) — узбекский поэт-демократ.
- «Зачем ей не дарован блеск зеркала?» — имеется в виду волшебное зеркало, в котором можно увидеть все, что было и что будет на земле.
- Зулейха — героиня дастанов многих восточных поэтов.
- Ибрахим — (библ. Авраам) — по преданию, вошел в огромный пылающий костер, который тут же превратился в цветущий алыми розами сад.
- Ибн Сина — (латинизированное Авиценна) — великий ученый, философ, врач, поэт, литературовед X—XI вв.
- Искандер — в иранской мифологии и эпосе образ полководца Александра Македонского (356—323 гг. до н.э.).
- Кааба — мусульманская святыня в Мекке.
- Кавэ — легендарный кузнец, поднявший восстание против тирана Заххака. Его кожаный передник был будто бы знаменем иранских царей.
- Каландар — дервиш, отшельник.
- Калям — тростниковое перо.
- Ками — узбекский поэт XIX — начала XX века.
- Каф — гора, на которой, по преданию, жила птица Симург.
- Коран — священное писание мусульман.
- Лейли и Меджнун — классическая влюбленная пара, чья любовь оканчивалась трагедией. Этим героям посвящены поэмы Низами, Навои, Фирдоуси.

- Мачин — старое название южного Китая.
- Мансур (858—922) — историческое лицо, еретик, казненный за богохульство.
- Машраб (1640—1711) — известный узбекский поэт.
- Маснави — форма восточной поэзии, двустишия.
- Миррих — планета Марс.
- Махзуна — узбекская поэтесса XIX века.
- Михраб — сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к Мекке.
- Муками (1851—1903) — выдающийся узбекский поэт-демократ.
- Мусаддас — форма восточной поэзии, рифмуются первые четыре строки каждой строфы.
- Мустазад — форма народной и классической восточной поэзии со сложным размером.
- Мурабба — форма восточной поэзии, четверостишия. Последние строки каждой строфы связаны одной сквозной рифмой.
- Мухаммас — форма восточной поэзии. Каждая строфа состоит из пяти строк.
- Навои (1441—1501) — великий узбекский поэт.
- Надира (1792—1842) — видная узбекская поэтесса.
- Най — музыкальный инструмент, флейта.
- Низами (1141—1203) — великий азербайджанский поэт.
- Нимруд (библ. Нимврод). По мусульманским легендам, хотел свергнуть в огонь пророка Ибрахима (Авраама).
- Навруз — Новый год, отмечающийся в некоторых странах Востока в день весеннего равноденствия.
- Рубаи — форма лирической восточной поэзии, четверостишие, в котором рифмуют первую, вторую и четвертую строки.
- Саз — струнный музыкальный инструмент.
- Сейхун — Сырдарья.
- Симург — сказочная птица.
- «Сыр... избранным вверяет тайны» — имеется в виду ныряльщик — добыватель донного жемчуга.
- Увайси — узбекская поэтесса первой половины XIX века.
- Улугбек (1394—1449) — великий узбекский астроном и математик.
- Фархад и Ширин — влюбленные герои популярных поэмы Низами, Навои, Амир-Хосрова.
- Фузули (1494—1556) — известный азербайджанский поэт.

Фуркат (1858—1909) — прогрессивный узбекский поэт, публицист, просветитель.

Хадж — паломничество, совершаемое мусульманами в священный город Мекку.

Хазини — узбекский поэт XIX — начала XX века.

Хафиз (1325—1389) — выдающийся таджикско-персидский поэт.

Ходжент — ныне Ленинабад, город в Таджикистане.

Чин — старое название северного Китая.

Шейх — глава мусульманской религиозной общины, секты, школы, старшина племени.

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

Миниатюра к произведению Захириддина Бабура «Бабур-наме».

Зебунниса читает стихи.

Дильшод в Коканде.

Дильшод и Анбар-атын.

Анбар-атын, ее муж Закирходжа и Муками.

На обложке — сад поэзии. Рисунок К. Башарова.

На фронтиспise — портрет поэтессы Зебуннисы работы художника Х. Хасанова. Из фонда Государственного музея литературы им. А. Навои.

СОДЕРЖАНИЕ

Узбекские поэтессы. Предисловие Махбубы Кадыровой	3
---	---

ЗЕБУННИСА

Газели	5
Рубаи	7

ДИЛЬШОД

Узбекские стихотворения

Газели	8
Маснави	55
Мухаммасы	57
Мухаммас на газель Навои	73
Мусаддас	75
Мурабба	76

Таджикские стихотворения

Газели	77
Мухаммас	81

АНБАР-АТЫН

Узбекские стихотворения

Газели	82
Қытға	106
Мухаммас	106
Маснави	108

Таджикские стихотворения

Газели	116
Мухаммас	120
Комментарии	122

Избранная лирика Востока

ЗЕБУННИСА, ДИЛЬШОД, АНБАР-АТЫН
И з б р а н н о е

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1983

Техредактор Г. Ломиворотова

Корректор А. Ионова

Сдано в набор 23.12.81. Подписано в печать 23.01.83.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага № 2. Гарнитура школьная.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 5,27 + 7 вкл. Уч.-изд.л. 4,14.

Тираж 280000. Заказ № 2540.

Цена на типографской бумаге — 65 коп., на мелованной
бумаге — 75 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК Компартии Узбекистана,
700029, ГСП, г. Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.

Уз
3—47

Зебунниса и др.

Избранное Зебунниса, Дильшод, Анбар-атын; (Сост.: М. Кадырова; Ред. кол.: Абдурахманов Ф. А. и др.; Пер. с узб. и тадж.-перс. С. Иванова). Т. Изд. ЦК КП Узбекистана, 1983. 128 с. + 7 вкл. — (Избранная лирика Востока)

В надзаг.: АН УзССР, Ин-т рукописей им. Х. С. Сулейманова.

1.2 соавтора

Уз